

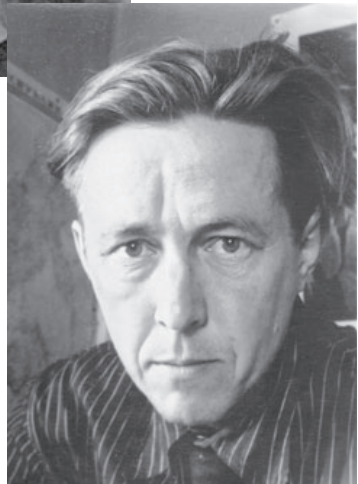

**БРЯНСКИЙ ФРОНТ.
1943**

**ЛАГЕРЬ НА
КАЛУЖСКОЙ ЗАСТАВЕ.
1946**

**ССЫЛКА. КОК-ТЕРЕК.
1955**

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2011

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)6
С60

Под редакцией
Н. Д. Солженицыной

*В издании сохранены
авторская орфография и пунктуация*

Солженицын А. И.

С60 «Архипелаг ГУЛАГ». Полное издание в одном томе. Под. ред.
Н. Д. Солженицыной. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. —
1279 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0463-6

В одном томе собрана вся всемирно известная документально-художественная эпопея о репрессиях, проводимых в годы Советской власти, жертвой которых стал и сам автор...

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9922-0463-6

© Русский Общественный Фонд
Александра Солженицына, 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

ПОСВЯЩАЮ

*всем, кому не хватило жизни
об этом рассказать.
И да простят они мне,
что я не всё увидел,
не всё вспомнил,
не обо всём догадался.*

Году в тысяча девятьсот сорок девятом напали мы с друзьями на примечательную заметку в журнале «Природа» Академии Наук. Писалось там мелкими буквами, что на реке Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда — замёрзший древний поток, и в нём — замёрзшие же представители ископаемой (несколько десятков тысячелетий назад) фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, свидетельствовал учёный корреспондент, что присутствующие, расколов лёд, тут же охотно съели их.

Немногочисленных своих читателей журнал, должно быть, немало подивил, как долго может рыбье мясо сохраняться во льду. Но мало кто из них мог внять истинному богатырскому смыслу неосторожной заметки.

Мы — сразу поняли. Мы увидели всю сцену ярко до мелочей: как присутствующие с ожесточённой поспешностью кололи лёд; как, попирая высокие интересы ихтиологии и отталкивая друг друга локтями, они отбивали куски тысячелетнего мяса, волокли его к костру, оттаивали и насыщались.

Мы поняли потому, что сами были из тех *присутствующих*, из того единственного на земле могучего племени *эков*, которое только и могло *охотно* съест тритона.

А Колыма была — самый крупный и знаменитый остров, полюс лютости этой удивительной страны ГУЛАГ, географией разодранной в архипелаг, но психологией скванной в континент, — почти невидимой, почти неосязаемой страны, которую и населял народ эков.

Архипелаг этот чересполосицей иссек и испестрил другую, включающую, страну, он врезался в её города, навис над её улицами — и всё ж иные совсем не догадывались, очень многие слышали что-то смутно, только побывавшие знали всё.

Но, будто лишившись речи на островах Архипелага, они хранили молчание.

Неожиданным поворотом нашей истории кое-что, ничтожно малое, об Архипелаге этом выступило на свет. Но те же самые руки, которые завинчивали наши наручники, теперь примирительно выставляют ладони: «Не надо!.. Не надо ворошить прошлое!.. Кто старое помянет — тому глаз вон!» Однако доканчивает пословица: «А кто забудет — тому два!»

Идут десятилетия — и безвозвратно слизывают рубцы и язвы прошлого. Иные острова за это время дрогнули, растеклись, полярное море забвения переплескивает над ними. И когда-нибудь в будущем веке Архипелаг этот, воздух его и кости его обитателей, вмёрзшие в линзу льда, — представятся неправдоподобным тритоном.

Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не досталось читать документов. Но кому-нибудь когда-нибудь — достанется ли?.. У тех, не желающих *вспоминать*, довольно уже было (и ещё будет) времени уничтожить все документы дочиста.

Свои одиннадцать лет, проведенные там, усвоив не как позор, не как проклятый сон, но почти полюбив тот уродливый мир, а теперь ещё, по счастливому обороту, став доверенным многих поздних рассказов и писем, — может быть, сумею я донести что-нибудь из косточек и мяса? — ещё, впрочем, живого мяса, ещё, впрочем, живого тритона.

В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их собственными именами. Если названы инициалами, то по соображениям личным. Если не названы вовсе, то лишь потому, что память людская не сохранила имён, — а всё было именно так.

Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я вынес с Архипелага, — шкурой своей, памятью, ухом и глазом, материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах —

[перечень 227 имён]*.

Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым.

Из этого списка я хотел бы выделить тех, кто много труда положил в помощь мне, чтоб эта вещь была снабжена библиографическими опорными точками из книг сегодняшних библиотечных фондов или давно изъятых и уничтоженных, так что найти сохранённый экземпляр требовало большого упорства; ещё более — тех, кто помог утаить эту рукопись в суровую минуту, а потом размножить её.

Но не настала та пора, когда я посмею их назвать**.

Старый соловчанин Дмитрий Петрович Витковский должен был быть редактором этой книги. Однако полжизни, проведенных там (его лагерные мемуары так и называются «Полжизни»), отдались ему преждевременным параличом. Уже с отнятой речью он смог прочесть лишь несколько законченных глав и убедиться, что обо всём б у д е т р а с с к а з а н о.

А если долго ещё не просветлится свобода в нашей стране, то само чтение и передача этой книги будут большой опасностью — так что и читателям будущим я должен с благодарностью поклониться — от тех, от погибших.

Когда я начинал эту книгу в 1958 году, мне не известны были ничьи мемуары или художественные произведения о лагерях. За годы работы до 1967 мне постепенно стали известны «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и воспоминания Д. Витковского, Е. Гинзбург, О. Адамовой-Слиозберг, на которые я и ссылаюсь по ходу изложения как на литературные факты, известные всем (так и будет же в конце концов).

Вопреки своим намерениям, в противоречии со своей волей дали бесценный материал для этой книги, сохранили много важных фактов, и даже цифр, и сам воздух, которым дышали: чекист М.И. Лацис (Я.Ф. Судрабс); Н.В. Крыленко — главный государственный обвинитель многих лет; его наследник А.Я. Вышинский со своими юристами-пособниками, из которых нельзя не выделить И.Л. Авербах.

Материал для этой книги также представили тридцать шесть советских писателей во главе с Максимом Горьким — авторы позорной книги о Беломорканале, впервые в русской литературе восславившей рабский труд.

* Этот (ещё расширенный) перечень свидетелей впервые оглашаю теперь. (Примеч. 2005 г.)

** Рассказал уже и о них, моих Невидимках («Бодался телёнок с дубом». М.: Согласие, 1996). (Примеч. 2005 г.)

СВИДЕТЕЛИ АРХИПЕЛАГА,

**чь рассказы, письма, мемуары и поправки
использованы при создании этой книги**

Александрова Мария Борисовна
Алексеев Иван А.
Алексеев Иван Николаевич
Аничкова Наталья Мильевна
Бабич Александр Павлович
Бакст Михаил Абрамович
Баранов Александр Иванович
Баранович Марина Казимировна
Безродный Вячеслав
Белинков Аркадий Викторович
Бернштам Михаил Семёнович
Бернштейн Анс Фрицевич
Борисов Авенир Петрович
Братчиков Андрей Семёнович
Бреславская Анна
Бродовский М.И.
Бугаенко Наталья Ивановна
Бурковский Борис Васильевич
Бурнацев Михаил
Бутаков Авлим
Быков М.М.
Вайшнорас Юозас Томович
Васильев Владимир Александрович
Васильев Максим Васильевич
Ватрацков Л.В.
Вельяминов С.В.
Вендельштейн Юрий Германович
Венедиктова Галина Дмитриевна
Вербовский С.Б.
Вестеровская Анастасия
Виноградов Борис Михайлович
Винокуров Н.М.
Витковский Дмитрий Петрович
Власов Василий Григорьевич
Войченко Михаил Афанасьевич
Волков Олег Васильевич
Гарасёва Анна Михайловна
Гарасёва Татьяна Михайловна
Гер Р.М.
Герценберг Перец Моисеевич
Гершуни Владимир Львович
Гинзбург Вениамин Лазаревич
Глебов Алексей Глебович
Говорко Николай Каллистратович
Голицын Всеволод Петрович
Гольдовская Виктория Юльевна
Голядкин Андрей Дмитриевич

Голядкина Елена Михайловна
Горшунов Владимир Сергеевич
Григорьев Григорий Иванович
Григорьева Анна Григорьевна
Гродзенский Яков Давыдович
Деева А.
Джигурда Анна Яковлевна
Диклер Франк
Добряк Иван Дмитриевич
Долган Александр Майкл
Дояренко Евгения Алексеевна
Елистратова Любовь Семёновна
Ермолов Юрий Константинович
Есенин-Вольпин Александр Сергеевич
Ефимова-Овсиенко
Жебеленко Николай Петрович
Жуков Виктор Иванович
Заболовский Ефим Яковлевич
Задорный Владилен
Зарин В.М.
Зведре Ольга Юрьевна
Зданюкевич Александр Климентьевич
Зобунков
Зубов Николай Иванович
Зубова Елена Александровна
Ивакин Василий Алексеевич
Иванов Вячеслав Всеволодович
Ивашёв-Мусатов Сергей Михайлович
Инчик Вера
Кавешан В.Я.
Каган Виктор Кусиэлевич
Кадацкая Мария Венедиктовна
Каденко
Калганов Александр
Калинина М.И.
Каллистов Дмитрий Павлович
Каминов Игорь
Каминский Юрий Фёдорович
Карбе Юрий Васильевич
Карпунич (Карпунич-Бравен) Иван Семёнович
Картель Илья Алексеевич
Касьянов Александр
Каупуж Анна Владиславовна
Кекушев Николай Львович
Киула Константин
Княгинин Вячеслав Ильич
Ковач Роза
Козак Ольга Петровна
Козаков Виктор Сергеевич
Козырев Николай Александрович
Колокольнев Иван Кузьмич
Колпаков Алексей Павлович
Колпаков С.

Комогор Леонид Александрович
Кононенко Марк Иванович
Кончиц Андрей Андреевич
Копелев Лев Зиновьевич
Корнеев Иван Алексеевич
Корнеева Вера Алексеевна
Кравченко Наталья Ивановна
Кузнецова К.И.
Ладыженская Ольга Александровна
Лазутина Раиса Александровна
Ларина Анна Михайловна
Левин Меер Овсеевич
Левитская Надежда Григорьевна
Лесовик Светлана Александровна
Лиленков И.
Липай И.Ф.
Липшиц Самуил Адольфович
Лихачёв Дмитрий Сергеевич
Лобанов
Лоцилин Степан Васильевич
Лукиянов В.В.
Лунин
Макеев Алексей Филиппович
Маковоз Григорий Самойлович
Малявко-Высоцкая Нина Константиновна
Маркелов Даниил Ильич
Мартынюк Павло Романович
Матвеева С.П.
Межова Изабелла Адольфовна
Мейке Виктор Александрович
Мейке Ирина Емельяновна
Милочихин Валентин Егорович
Митрович Георгий Степанович
Нагель Ирина Анатольевна
Недов Леонид Иванович
Некрасов Николай Алексеевич
Никитин Вячеслав
Никитин Иван Иванович
Никитина Ксения Ивановна
Никляс Анна
Оленёв Александр Яковлевич
Олицкая Екатерина Львовна
Олухов Пётр Алексеевич
Орлова Елена Михайловна
Орловский Эрнст Семёнович
Острцова Александра Ивановна
Павлов Борис Александрович
Павлов Гелий Владимирович
Пашина Елена Анатольевна
Перегуд Нина Фёдоровна
Петров Александр Александрович
Петропавловский Алексей Николаевич
Пикалов Пётр

Пинхасик М.Г.
Писарев И.Г.
Пичугин В.
Пластар Валентин Петрович
Полев Геннадий Фёдорович
Политова Н.Н.
Польский Леонид Николаевич
Попков А.
Поспелов В.В.
Постоева Наталья Ивановна
Пося Пётр Никитич
Потапов Михаил Яковлевич
Потапов Сергей
Пронман Измаил Маркович
Прохоров-Пустовер
Прыткова Тамара Александровна
Птицын Пётр Николаевич
Пунич Иван Аристаулович
Пупышев Иван Алексеевич
Радонский
Раппопорт Арнольд Львович
Ретц Роланд Вильгельмович
Реут С.
Рожаш Янош
Романов Александр Дмитриевич
Рочев Степан Игнатьевич
Рубайло Александр Трофимович
Рудина Виктория Александровна
Рудинский (Петров) В.
Рудковский С.М.
Руднев
Рябинин Н.И.
Самшель Нина
Сачкова Екатерина Фёдоровна
Сговио Томас
Седова Светлана Борисовна
Семёнов Николай Андреевич
Семёнов Николай Яковлевич
Сергиенко Тамара Сергеевна
Синебрюхов Фёдор Александрович
Сипягина Людмила Алексеевна
Скачинский Александр Сергеевич
Скрипникова Анна Петровна
Смелов Павел Георгиевич
Снегирёв Владимир Николаевич
Соломин Илья Матвеевич
Сорокин Геннадий Александрович
Статников Анатолий Матусович
Степовой Александр Филиппович
Столярова Наталья Ивановна
Стотик Александр Михайлович
Страхович Елена Викторовна
Страхович Константин Иванович

Струтинская Елена
Сузи Арно
Сузи Арнольд Юханович
Сузи Хели
Сумберг Мария
Суровцева Надежда Витальевна
Сусалов Рафаил Израилевич
Сухомлина Татьяна Ивановна
Сучков Федот Федотович
Сушихин Сергей Фёдорович
Табатеров Илья Данилович
Тарашкевич Георгий Матвеевич
Тарновский В.П.
Твардовский Константин Трифонович
Терентьева Л.Я.
Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович
Тихонов Павел Гаврилович
Токмаков Мстислав Владимирович
Трофимов Владимир
Тусэ Х.С.
Тхоржевский Сергей Сергеевич
Тэнно Георгий Павлович
Улановская Надежда Марковна
Улановский Алексей Петрович
Улашик Ольга Николаевна
Фадеев Ю.И.
Фаликс Татьяна Моисеевна
Филиппова Галина Петровна
Формаков Арсений Иванович
Фурфанский Т.Е.
Хлебунов Николай Николаевич
Хлодовский Всеволод Владимирович
Храбровицкий Александр Вениаминович
Цивилько Адольф Мечеславович
Чавдаров Д.Г.
Чавчавадзе Ольга Ивановна
Чеботарёв Сергей Андреевич
Четверухин Серафим Ильич
Чульпенёв Павел Васильевич
Шавирин Ф.В.
Шаламов Варлам Тихонович
Шаталов Василий Архипович
Швед Иван Васильевич
Шелгунов Александр Васильевич
Шефнер Виктор Викентьевич
Шиповальников Виктор Георгиевич
Шербаков Валерий Ф.
Эфроимсон Владимир Павлович
Юдина Мария Вениаминовна
Юнг Павел Густавович
Якубович Михаил Петрович

Часть первая

ТЮРЕМНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В эпоху диктатуры и окружённые со всех сторон врагами, мы иногда проявляли ненужную мягкость, ненужную мягкосердечность.

*Крыленко,
речь на процессе «Промпартии»*

Глава 1

АРЕСТ

Как попадают на этот таинственный Архипелаг? Туда ежечасно летят самолёты, плывут корабли, гремят поезда — но ни единая надпись на них не указывает места назначения. И билетные кассиры, и агенты Совтуриста и Интуриста будут изумлены, если вы спросите у них туда билет.

Ни всего Архипелага в целом, ни одного из бесчисленных его островков они не знают, не слышали.

Те, кто едут Архипелагом управлять, — попадают туда через училища МВД.

Те, кто едут Архипелаг охранять, — призываются через военкоматы.

А те, кто едут туда умирать, как мы с вами, читатель, те должны пройти непременно и единственно — через арест.

Арест!! Сказать ли, что это перелом всей вашей жизни? Что это прямой удар молнии в вас? Что это невмещаемое духовное сотрясение, с которым не каждый может освоиться и часто сползает в безумие?

Вселенная имеет столько центров, сколько в ней живых существ. Каждый из нас — центр вселенной, и мироздание раскалывается, когда вам шипят: «*Вы арестованы!*»

Если уж *вы* арестованы — то разве ещё что-нибудь устояло в этом землетрясении?

Но затмившимся мозгом неспособные охватить этих перемещений мироздания, самые изошрённые и самые простоватые из нас не находятся в этот миг изо всего опыта жизни выдать что-нибудь иное, кроме как:

— Я?? За что!?! —

вопрос, миллионы и миллионы раз повторенный ещё до нас и никогда не получивший ответа.

Арест — это мгновенный разительный переброс, перекид, перепласт из одного состояния в другое.

По долгой кривой улице нашей жизни мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов, заборов, заборов — гнилых деревянных, глинобитных дувалов, кирпичных, бетонных, чугунных оград. Мы не задумывались — что за ними? Ни глазом, ни разумением мы не пытались за них заглянуть — а там-то и начинается — страна ГУ-ЛАГ, совсем рядом, в двух метрах от нас. И ещё мы не замечали в этих заборах несметного числа плотно подогнанных, хорошо замаскированных дверок, калиток. Все, все эти калитки были приготовлены для нас! — и вот распахнулась быстро роковая одна, и четыре белые мужские руки, не привыкшие к труду, но схватчивые, уцепляют нас за ногу, за руку, за воротник, за шапку, за ухо — вволакивают как куль, а калитку за нами, калитку в нашу прошлую жизнь, захлопывают навсегда.

Всё. Вы — арестованы!

И нич-ч-чего вы не находитесь на это ответить, кроме ягнячьего бле-
янья:

— Я-а?? За что??..

Вот что такое арест: это ослепляющая вспышка и удар, от которых на-
стоящее разом сдвигается в прошедшее, а невозможное становится пол-
ноправным настоящим.

И всё. И ничего больше вы не способны усвоить ни в первый час, ни в
первые даже сутки.

Ещё померцает вам в вашем отчаянии цирковая игрушечная луна:
«Это ошибка! Разберутся!»

Всё же остальное, что сложилось теперь в традиционное и даже лите-
ратурное представление об аресте, накопится и состроится уже не в ва-
шей смятенной памяти, а в памяти вашей семьи и соседей по квартире.

Это — резкий ночной звонок или грубый стук в дверь. Это — бравный
вход невытираемых сапог бодрствующих оперативников. Это — за спи-
нами их напуганный прибитый понятой. (А зачем этот понятой? — ду-
мать не смеют жертвы, не помнят оперативники, но положено так по ин-
струкции, и надо ему всю ночь просидеть, а к утру расписаться. И для
выхваченного из постели понятого это тоже мука: ночь за ночью ходить
и помогать арестовывать своих соседей и знакомых.)

Традиционный арест — это ещё сборы дрожащими руками для уводи-
мого: смены белья, куска мыла, какой-то еды, и никто не знает, что надо,
что можно и как лучше одеть, а оперативники торопят и обрывают: «Ниче-
го не надо. Там накормят. Там тепло». (Всё лгут. А торопят — для страха.)

Традиционный арест — это ещё потом, после увода взятго бедняги,
многочасовое хозяйничанье в квартире жёсткой чужой подавляющей
силы. Это — взламывание, вспарывание, сброс и срыв со стен, выброс на
пол из шкафов и столов, вытряхивание, рассыпание, разрывание — и на-
хламление горами на полу, и хруст под сапогами. И ничего святого нет во
время обыска! При аресте паровозного машиниста Иношина в комнате
стоял гробик с его только что умершим ребёнком. *Юристы* выбросили
ребёнка из гробика, они искали и там. И вытряхивают больных из постели,
и разбинтовывают повязки*. И ничто во время обыска не может быть
признано нелепым! У любителя старины Четверухина захватили «столь-
ко-то листов царских указов» — именно, указ об окончании войны с На-
полеоном, об образовании Священного Союза и молебствие против хо-
леры 1830 года. У нашего лучшего знатока Тибета Вострикова изъяли
драгоценные тибетские древние рукописи (и ученики умершего еле вы-
рвали их из КГБ через 30 лет!). При аресте востоковеда Невского забрали
тангутские рукописи (а через 25 лет за расшифровку их посмертно при-
суждена покойному ленинская премия). У Каргера замели архив енисей-
ских остяков, запретили изобретенную им письменность и букварь — и
остался народец без письменности. Интеллигентным языком это долго
всё описывать, а народ говорит об обыске так: *ищут, чего не клали.*

* Когда в 1937 громили институт доктора Казакова, то сосуды с *лизатами*, изобретенными им, «комиссия» разбивала, хотя вокруг прыгали исцелённые и исцеляемые калеки и умоляли сохранить чудо-
действенные лекарства. (По официальной версии лизаты считались ядами — и отчего ж было не сохра-
нить их как вещественные доказательства?)

Отобранное увозят, а иногда заставляют нести самого арестованного — как Нина Александровна Пальчинская потащила за плечом мешок с бумагами и письмами своего вечно деятельного покойного мужа, великого инженера России — в пасть к *ним*, навсегда, без возврата.

А для оставшихся после ареста — долгий хвост развороченной опустошённой жизни. И попытка пойти с передачами. Но изо всех окошек лающими голосами: «такой не числится», «такого нет!» Да к окошку этому в худые дни Ленинграда ещё надо пять суток толпиться в очереди. И только может быть через полгода-год сам арестованный аукнется или выбросят: «Без права переписки». А это уже значит — навсегда. «Без права переписки» — это почти наверняка: расстрелян.

Одним словом, «мы живём в проклятых условиях, когда человек пропадает без вести и самые близкие люди, жена и мать... годами не знают, что случилось с ним». Правильно? нет? Это написал Ленин в 1910 году в некрологе о Бабушкине. Только выразим прямо: вёз Бабушкин транспорт оружия для восстания, с ним и расстреляли. Он знал, на что шёл. Не скажешь этого о кроликах, нас.

Так представляем мы себе арест.

И верно, ночной арест описанного типа у нас излюблен, потому что в нём есть важные преимущества. Все живущие в квартире ущемлены ужасом от первого же стука в дверь. Арестуемый вырван из тепла постели, он ещё весь в полусонной беспомощности, рассудок его мутен. При ночном аресте оперативники имеют перевес в силах: их приезжает несколько вооружённых против одного, недостегнувшего брюк; за время сборов и обыска наверняка не соберётся у подъезда толпа возможных сторонников жертвы. Неторопливая постепенность прихода в одну квартиру, потом в другую, завтра в третью и в четвёртую, даёт возможность правильно использовать оперативные штаты и посадить в тюрьму многократно больше жителей города, чем эти штаты составляют.

И ещё то достоинство у ночных арестов, что ни соседние дома, ни городские улицы не видят, скольких увезли за ночь. Напугав самых ближних соседей, они для дальних не событие. Их как бы и не было. По той самой асфальтной ленте, по которой ночью сновали воронки, — днём шагает молодое племя со знаменами и цветами и поёт неомрачённые песни.

Но у *берущих*, чья служба и состоит из одних только арестов, для кого ужасы арестованных повторительны и докучны, у них понимание арестной операции гораздо шире. У них — большая теория, не надо думать в простоте, что её нет. Арестознание — это важный раздел курса общего тюремоведения, и под него подведена основательная общественная теория. Аресты имеют классификацию по разным признакам: ночные и дневные; домашние, служебные, путевые; первичные и повторные; расчленённые и групповые. Аресты различаются по степени требуемой неожиданности, по степени ожидаемого сопротивления (но в десятках миллионов случаев сопротивления никакого не ожидалось, как и не было его). Аресты различаются по серьёзности заданного обыска; по необходимости делать или не делать опись для конфискации, опечатку комнат или квартиры; по необходимости арестовывать вслед за мужем также и жену, а детей отправлять в детдом, либо весь остаток семьи в ссылку, либо ещё и стариков в лагерь.

И ещё отдельно есть целая Наука Обыска (и мне удалось прочесть брошюру для юристов-заочников Алма-Аты). Там очень хвалят тех юристов, которые при обыске не поленились переверорщить 2 тонны навоза, 6 кубов дров, 2 воза сена, очистили от снега целый приусадебный участок, вынимали кирпичи из печей, разгребали выгребные ямы, проверяли унитазы, искали в собачьих будках, курятниках, скворечниках, прокальывали матрасы, срывали с тел пластырные наклейки и даже рвали металлические зубы, чтобы найти в них микродокументы. Студентам очень рекомендуется, начав с личного обыска, им же и закончить (вдруг человек подхватил что-либо из обысканного); и ещё раз потом прийти в то же место, но в новое время суток — и снова сделать обыск.

Нет-нет, аресты очень разнообразны по форме. Ирма Мендель, венгерка, достала как-то в Коминтерне (1926) два билета в Большой театр, в первые ряды. Следователь Клегель ухаживал за ней, и она его пригласила. Очень нежно они провели весь спектакль, а после этого он повёз её... прямо на Лубянку. И если в цветущий июньский день 1927 на Кузнецком мосту полнолицую русокошую красавицу Анну Скрипникову, только что купившую себе синей ткани на платье, какой-то молодой франт подсаживает на извозчика (а извозчик уже понимает и хмурится: *Органы* не заплатят ему) — то знайте, что это не любовное свидание, а тоже арест: они завернут сейчас на Лубянку и въедут в чёрную пасть ворот. И если (двадцать две весны спустя) кавторанг Борис Бурковский, в белом кителе, с запахом дорогого одеколона, покупает торт для девушки — не клянитесь, что этот торт достанется девушке, а не будет иссечен ножами обыскивающих и внесён кавторангом в его первую камеру. Нет, никогда у нас не был в небрежении и арест дневной, и арест в пути, и арест в кипящем многолюдьи. Однако он исполняется чисто и — вот удивительно! — сами жертвы в согласии с оперативниками ведут себя как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обречённого.

Не всякого можно арестовывать дома с предварительным стуком в дверь (а если уж стучит, то «управдом», «почтальон»), не всякого следует арестовывать и на работе. Если арестуемый злоумышленник, его удобно брать в отрыве от привычной обстановки — от своих семейных, от сослуживцев, от единомышленников, от тайников: он не должен успеть ничего уничтожить, спрятать, передать. Крупным чинам, военным или партийным, порой давали сперва новое назначение, подавали им салон-вагон, а в пути арестовывали. Какой женибудь безвестный смертный, замерший от повальных арестов и уже неделю угнетённый исподлобными взглядами начальства, — вдруг вызван в местком, где ему, сияя, преподносят путёвку в сочинский санаторий. Кролик прочувствовался — значит, его страхи были напрасны. Он благодарит, он, ликуя, спешит домой собирать чемодан. До поезда два часа, он ругает неповоротливую жену. Вот и вокзал! Ещё есть время. В пассажирском зале или у стойки с пивом его окликает симпатичнейший молодой человек: «Вы не узнаёте меня, Пётр Иваныч?» Пётр Иваныч в затруднении: «Как будто нет, хотя...» Молодой человек изливается таким дружелюбным расположением: «Ну, как же, как же, я вам напомню...» и почтительно кланяется жене Петра Иваныча: «Вы простите, ваш супруг через *одну минутку*...» Супруга разрешает, незнакомец уводит Петра Иваныча доверительно под руку — навсегда или на десять лет!

А вокзал снуёт вокруг — и ничего не замечает... Граждане, любящие путешествовать! Не забывайте, что на каждом большом вокзале есть отделение ГПУ и несколько тюремных камер.

Эта назойливость мнимых знакомых так резка, что человеку без лагерной волчьей подготовки от неё как-то и не отвязаться. Не думайте, что если вы — сотрудник американского посольства по имени, например, Александр Долган, то вас не могут арестовать среди бела дня на улице Горького близ Центрального телеграфа. Ваш незнакомый друг кинется к вам через людскую гушу, распахнув грабастые руки: «Са-ша! — не таится, а просто кричит он. — Керюха! Сколько лет, сколько зим?!.. Ну, отойдём в сторонку, чтоб людям не мешать». А в сторонке-то, у края тротуара, как раз «победа» подъехала... (Через несколько дней ТАСС будет с гневом заявлять во всех газетах, что компетентным кругам ничего не известно об исчезновении Александра Долгана.) Да что тут мудрого? Наши молодцы такие аресты делали в Брюсселе (так взят Жора Бледнов), не то что в Москве.

Надо воздать Органам заслуженное: в век, когда речи ораторов, театральные пьесы и дамские фасоны кажутся вышедшими с конвейера, — аресты могут показаться разнообразными. Вас отводят в сторону в заводской проходной, после того как вы себя удостоверили пропуском, — и вы взяты; вас берут из военного госпиталя с температурой 39° (Анс Бернштейн), и врач не возражает против вашего ареста (попробовал бы он возразить!); вас берут прямо с операционного стола, с операции язвы желудка (Н.М. Воробьёв, инспектор крайнаробраза, 1936) — и еле живого, в крови, привозят в камеру (вспоминает Карпунич); вы (Надя Левитская) добиваетесь свидания с осуждённой матерью, вам дают его! — а это оказывается очная ставка и арест! Вас в «Гастрономе» приглашают в отдел заказов и арестовывают там; вас арестовывает странник, остановившийся у вас на ночь Христа ради; вас арестовывает монтёр, пришедший снять показания счётчика; вас арестовывает велосипедист, столкнувшийся с вами на улице; железнодорожный кондуктор, шофёр такси, служащий сберегательной кассы и киноадминистратор — все они арестовывают вас, и с опозданием вы видите глубоко запрятанное бордовое удостоверение.

Иногда аресты кажутся даже игрой — столько положено на них избыточной выдумки, сытой энергии, а ведь жертва не сопротивлялась бы и без этого. Хотят ли оперативники так оправдать свою службу и свою многочисленность? Ведь, кажется, достаточно разослать всем намеченным кроликам повестки — и они сами в назначенный час и минуту покорно явятся с узелком к чёрным железным воротам госбезопасности, чтобы занять участок пола в намеченной для них камере. (Да колхозников так и берут, неужели ещё ехать к его хате ночью по бездорожью? Его вызывают в сельсовет, там и берут. Чернорабочего вызывают в контору.)

Конечно, у всякой машины свой заглот, больше которого она не может. В натужные налитые 1945—46 годы, когда шли и шли из Европы эшелоны и их надо было все сразу поглотить и отправить в ГУЛАГ, — уже не было этой избыточной игры, сама теория сильно полиняла, облетели ритуальные перья, и выглядел арест десятков тысяч как убогая перекличка: стояли со списками, из одного эшелона выкликали, в другой сажали, и вот это был весь арест.

Политические аресты нескольких десятилетий отличались у нас именно тем, что схватывались люди ни в чём не виновные, а потому и не

подготовленные ни к какому сопротивлению. Создавалось общее чувство обречённости, представление (при паспортной нашей системе довольно, впрочем, верное), что от ГПУ-НКВД убежать невозможно. И даже в разгар арестных эпидемий, когда люди, уходя на работу, всякий день прощались с семьёй, ибо не могли быть уверены, что вернутся вечером, — даже тогда они почти не бежали (а в редких случаях кончали с собой). Что и требовалось. Смирная овца волку по зубам.

Это происходило ещё от непонимания механики арестных эпидемий. Органы чаще всего не имели глубоких оснований для выбора — какого человека арестовать, какого не трогать, а лишь достигали контрольной цифры. Заполнение цифры могло быть закономерно, могло же носить и совершенно случайный характер. В 1937 году в приёмную новочеркасского НКВД пришла женщина спросить: как быть с некормленным сосунком-ребёнком её арестованной соседки. «Посидите, — сказали ей, — выясним». Она посидела часа два — её взяли из приёмной и отвели в камеру: надо было спешно заполнять число, и не хватало сотрудников рассылат по городу, а эта уже была здесь! Наоборот, к латышу Андрею Павлу под Оршей пришло НКВД его арестовать; он же, не открывая двери, выскочил в окно, успел убежать и напрямик уехал в Сибирь. И хотя жил он там под своей же фамилией, и ясно было по документам, что он — из Орши, он никогда не был посажен, ни вызван в Органы, ни подвергнут какому-либо подозрению. Ведь существует три вида розыска: всесоюзный, республиканский и областной, и почти по половине арестованных в те эпидемии не стали бы объявлять розыска выше областного. Намеченный к аресту по случайным обстоятельствам, вроде доноса соседа, человек легко заменялся другим соседом. Подобно А. Павлу и люди, случайно попавшие под облаву или на квартиру с засадой и имевшие смелость в те же часы бежать, ещё до первого допроса, — никогда не ловились и не привлекались; а те, кто оставались дожидаться справедливости, — получали срок. И почти все, подавляюще, держались именно так: малодушно, беспомощно, обречённо.

Правда и то, что НКВД при отсутствии нужного ему лица брало подписание о невыезде с родственников и ничего, конечно, не составляло *оформить* оставшихся вместо бежавшего.

Всеобщая невинность порождает и всеобщее бездействие. Может, тебя ещё и *не возьмут*? Может, обойдётся? А.И. Ладыженский был ведущим преподавателем в школе захолустного Кологрива. В 37-м году на базаре к нему подошёл мужик и от кого-то передал: «Александр Иванович, уезжай, ты в *спусках*!» Но он остался: ведь на мне же вся школа держится, и их собственные дети у меня учатся — как же они могут меня взять?.. (Через несколько дней арестован.) Не каждому дано, как Ване Левитскому, уже в 14 лет понимать: «Каждый честный человек должен попасть в тюрьму. Сейчас сидит папа, а вырасту я — и меня посадят». (Его посадили двадцати трёх лет.) Большинство коснеет в мерцающей надежде. Раз ты невиновен — то за что же могут тебя брать? Это ошибка! Тебя уже волокут за шиворот, а ты всё заклинаешь про себя: «Это ошибка! Разберутся — выпустят!» Других сажают повально, это тоже нелепо, но там ещё в каждом случае остаются потёмки: «а может быть *этот* как раз...?» А уж ты! — ты-то наверняка невиновен! Ты ещё рассматриваешь Органы как учреждение человечески логичное: разберутся — выпустят.

И зачем тебе тогда бежать?.. И как же можно тебе тогда сопротивляться?.. Ведь ты только ухудшишь своё положение, ты помешаешь разобратись в ошибке. Не то что сопротивляться — ты и по лестнице спускаешься на цыпочках, как велено, чтоб соседи не слышали.

Как потом в лагерях жгло: а что, если бы каждый оперативник, идя ночью арестовывать, не был бы уверен, вернётся ли он живым, и попрощался бы со своей семьёй? Если бы во времена массовых посадок, например в Ленинграде, когда сажали четверть города, люди бы не сидели по своим норкам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, — а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по несколько человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придётся? Ведь заранее известно, что эти ночные картузы не с добрыми намерениями идут, — так не ошибёшься, хрястнув по душегубцу. Или тот воронок с одиноким шофёром, оставшийся на улице, — угнать его либо скаты проколоть. Органы быстро бы недосчитались сотрудников и подвижного состава, и, несмотря на всю жажду Сталина, — остановилась бы проклятая машина!

Если бы... если бы... Мы просто заслужили всё дальнейшее.

И потом — чему именно сопротивляться? Отобранию ли у тебя ремня? Или приказанию отойти в угол? переступить через порожек дома? Арест состоит из мелких околичностей, многочисленных пустяков — и ни из-за какого в отдельности как будто нет смысла спорить (когда мысли арестованного вьются вокруг великого вопроса: «за что?!»), — а все-то вместе эти околичности неминуемо и складываются в арест.

Да мало ли что бывает на душе у свежearестованного! — ведь это одно стоит книги. Там могут быть чувства, которых мы и не заподозрим. Когда арестовывали в 1921 году 19-летнюю Евгению Дояренко и три молодых чекиста рылись в её постели, в её комод с бельём, она оставалась спокойна: ничего нет, ничего и не найдут. И вдруг они коснулись её интимного дневника, которого она даже матери не могла бы показать, — и это чтение её строк враждебными чужими парнями поразило её сильнее, чем вся Лубянка с её решётками и подвалами. И у многих эти личные чувства и привязанности, поражаемые арестом, могут быть куда сильнее политических мыслей или страха тюрьмы. Человек, внутренне не подготовленный к насилию, всегда слабей насильника.

Редкие умницы и смельчаки соображают мгновенно. Директор геологического института Академии Наук Григорьев, когда пришли его арестовывать в 1948 году, забаррикадировался и два часа жёг бумаги.

Иногда главное чувство арестованного — облегчение и даже... радость, особенно во времена арестных эпидемий: когда вокруг берут и берут таких, как ты, а за тобой всё что-то не идут, всё что-то медлят — ведь это изнеможение, это страдание хуже всякого ареста, и не только для слабой души. Василий Власов, бесстрашный коммунист, которого мы ещё помянем не раз, отказавшийся от бегства, предложенного ему беспартийными его помощниками, изнемогал оттого, что всё руководство Кадынского района арестовали (1937), а его всё не брали, всё не брали. Он мог принять удар только лбом — принял его и успокоился, и первые дни ареста чувствовал себя великолепно. — Священник отец Иеракс (Бочаров) в 1934 поехал в Алма-Ату навестить ссыльных верующих, а тем временем на его московскую квартиру трижды приходили его арестовывать. Когда он возвращался, прихожанки встретили его на вокзале и не допустили домой, 8 лет перепрыгивали с квартиры на квартиру. От этой

загнанной жизни священник так измучился, что когда его в 1943 всё-таки арестовали — он радостно пел Богу хвалу.

В этой главе мы всё говорим о массе, о кроliках, посаженных неведомо за что. Но придётся нам в книге ещё коснуться и тех, кто и в новое время оставался подлинно *политическим*. Вера Рыбакова, студентка социал-демократка, на воле *мечтала* о Суздальском изоляторе: только там она рассчитывала встретиться со старшими товарищами (на воле их уже не оставалось) и там выработать своё мировоззрение. Эсерка Екатерина Олицкая в 1924 даже считала себя недостойной быть посаженной в тюрьму: ведь её прошли лучшие люди России, а она ещё молода и ещё ничего для России не сделала. Но и *воля* уже изгоняла её из себя. Так обе они шли в тюрьму — с гордостью и радостью.

«Сопrotивление! Где же было ваше сопротивление?» — бранят теперь страдавших те, кто оставался благополучен.

Да, начинаться ему было отсюда, от самого ареста.

Не началось.

И вот — вас ведут. При дневном аресте обязательно есть этот короткий неповторимый момент, когда вас — неявно, по трусливому уговору, или совершенно явно, с обнажёнными пистолетами, — *ведут* сквозь толпу между сотнями таких же невиновных и обречённых. И рот ваш не заткнут. И вам можно и непременно надо было бы к р и ч а т ь! Кричать, что вы арестованы! что переодетые злодеи ловят людей! что хватают по ложным доносам! что идёт глухая расправа над миллионами! И, слыша такие выкрики много раз на день и во всех частях города, может быть согражд ане наши ошетинились бы? может аресты не стали бы так легки!?

В 1927, когда покорность ещё не настолько размягчила наши мозги, на Серпуховской площади днём два чекиста пытались арестовать женщину. Она охватила фонарный столб, стала кричать, не даваться. Собралась толпа. (Нужна была такая женщина, но нужна ж была и такая толпа! Прохожие не все потупили глаза, не все поспешили шмыгнуть мимо!) Расторопные эти ребята сразу смутились. Они не могут *работать* при свете общества. Они сели в автомобиль и бежали. (И тут бы женщине сразу на вокзал и уехать! А она пошла ночевать домой. И ночью отвезли её на Лубянку.)

Но с *ваших* пересохших губ не срывается ни единого звука, и минующая толпа беспечно принимает вас и ваших палачей за прогуливающихся приятелей.

Сам я много раз имел возможность кричать.

На одиннадцатый день после моего ареста три смершевца-дармоеда, обременённые тремя чемоданами трофеев больше, чем мною (на меня за долгую дорогу они уже положились), привезли меня на Белорусский вокзал Москвы. Назывались они спецконвой, на самом деле автоматы только мешали им тащить тяжелейшие чемоданы — добро, награбленное в Германии ими самими и их начальниками из контрразведки СМЕРШ 2-го Белорусского фронта и теперь под предлогом конвоирования меня отвозимое семьям в Отечество. Четвёртый чемодан безо всякой охоты тащил я, в нём везлись мои дневники и творения — улики на меня.

Они все трое не знали города, и я должен был выбирать кратчайшую дорогу к тюрьме, я сам должен был привести их на Лубянку, на которой они никогда не были (а я её путал с министерством иностранных дел).

После суток армейской контрразведки; после трёх суток в контрразведке фронтовой, где однокамерники меня уже образовали (в следовательских обманах, угрозах, битье; в том, что однажды арестованного никогда не выпускают назад; в неотклонимости *десятки*), — я чудом вырвался вдруг и вот уже четыре дня еду как *вольный* и среди вольных, хотя бока мои уже лежали на гнилой соломе у парашаи, хотя глаза мои уже видели избитых и бессонных, уши слышали истину, рот отведал баланды — почему ж я молчу? почему ж я не просвещаю обманутую толпу в мою последнюю гласную минуту?

Я молчал в польском городе Бродницы — но, может быть, там не понимают по-русски? Я ни слова не крикнул на улицах Белостока — но, может быть, поляков это всё не касается? Я ни звука не проронил на станции Волковыск — но она была малолюдна. Я как ни в чём не бывало гулял с этими разбойниками по минскому перрону — но вокзал ещё разорён. А теперь я ввожу за собой смершевцев в белокупольный круглый верхний вестибюль метро Белорусского-радиального, он залит электричеством, и снизу вверх навстречу нам двумя параллельными эскалаторами поднимаются густо уставленные москвичи. Они, кажется, все смотрят на меня! они бесконечной лентой оттуда, из глубины незнания — тянутся, тянутся под сияющий купол ко мне хоть за словечком истины — так что ж я молчу?!..

А у каждого всегда дюжина гладеньких причин, почему он прав, что не жертвует собой.

Одни ещё надеются на благополучный исход и криком своим боятся его нарушить (ведь к нам не поступают вести из потустороннего мира, мы же не знаем, что с самого мига взятия наша судьба уже решена почти по худшему варианту и ухудшить её нельзя). Другие ещё не дозрели до тех понятий, которые слагаются в крик к толпе. Ведь это только у революционера его лозунги на губах и сами рвутся наружу, а откуда они у смиренного, ни в чём не замешанного обывателя? Он просто не знает, что ему кричать. И наконец, ещё есть разряд людей, у которых грудь слишком переполнена, глаза слишком много видели, чтобы можно было выплеснуть это озеро в нескольких бессвязных выкриках.

А я — я молчу ещё по одной причине: потому, что этих москвичей, уставивших ступеньки двух эскалаторов, мне всё равно мало — м а л о! Тут мой вопль услышат двести, дважды двести человек — а как же с двумястами миллионами?.. Смутно чудится мне, что когда-нибудь закричу я двумстам миллионам...

А пока, не раскрывшего рот, эскалатор неудержимо сволакивает меня в преисподнюю.

И ещё я в Охотном ряду смолчу.

Не крикну около «Метрополя».

Не взмахну руками на Голгофской Лубянской площади...

* * *

У меня был, наверно, самый лёгкий вид ареста, какой только можно себе представить. Он не вырвал меня из объятий близких, не оторвал от дорогой нам домашней жизни. Дряблым европейским февралём он вы-

хватил меня из нашей узкой стрелки к Балтийскому морю, где окружили не то мы немцев, не то они нас, — и лишил только привычного дивизиона да картины трёх последних месяцев войны.

Комбриг вызвал меня на командный пункт, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряжённой неподвижной в углу офицерской свиты выбежали двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекли комнату и, четырьмя руками одновременно хватаясь за звёздочку на шапке, за погоны, за ремень, за полевую сумку, драматически закричали:

— Вы — арестованы!!

И, обожжённый и проколотый от головы к пяткам, я не нашёлся ничего умней, как:

— Я? За что?!

Хотя на этот вопрос не бывает ответа, но вот удивительно — я его получил! Это стоит упомянуть потому, что уж слишком непохоже на наш обычай. Едва смершевцы кончили меня потрошить, вместе с сумкой отобрали мои политические письменные размышления и, угнетаемые дрожанием стёкол от немецких разрывов, подталкивали меня скорей к выходу — раздалось вдруг твёрдое обращение ко мне — да! через этот глухой обруб между остававшимися и мною, обруб от тяжело упавшего слова «арестован», через эту чумную черту, через которую уже ни звука не смело просочиться, — перешли немыслимые, сказочные слова комбрига:

— Солженицын. Вернитесь.

И я крутым поворотом выбился из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снисходил до простых разговоров со мной. Его лицо всегда выражало для меня приказ, команду, гнев. А сейчас оно задумчиво осветилось — стыдом ли за своё подневольное участие в грязном деле? порывом стать выше всежизненного жалкого подчинения? Десять дней назад из *мешка*, где оставался его огневой дивизион, двенадцать тяжёлых орудий, я вывел почти что целой свою разведбатарею — и вот теперь он должен был отречься от меня перед клочком бумаги с печатью?

— У вас... — веско спросил он, — есть друг на Первом Украинском фронте?

— Нельзя!.. Вы не имеете права! — закричали на полковника капитан и майор контрразведки. Испуганно жалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслышанную опрометчивость комбрига (а политотдельцы — и готовясь дать на комбрига *материал*). Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и понял, по каким линиям ждать мне опасности.

И хоть на этом мог бы остановиться Захар Георгиевич Травкин! Но нет! Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда мне её не протягивал!) и, в рукопожатии, при немом ужасе свиты, с отеплённостью всегда сурового лица сказал бесстрашно, отдельно:

— Желаю вам — счастья — капитан!

Я не только не был уже капитаном, но я был разоблачённый враг народа (ибо у нас всякий арестованный уже с момента ареста и полностью разоблачён). Так он желал счастья — врагу?..

Дрожали стёкла. Немецкие разрывы терзали землю метрах в двухстах, напоминая, что *этого* не могло бы случиться там, глубже на нашей земле, под колпаком устоявшегося бытия, а только под дыханием близкой и ко всем равной смерти*.

Эта книга не будет воспоминаниями о собственной жизни. Поэтому я не буду рассказывать о забавнейших подробностях моего ни на что не похожего ареста. В ту ночь смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались) и с любезностями вручили её мне и просили говорить шофёру, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привёз в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер. Но вот об этой кладовочке немецкого крестьянского дома, служившей временным карцером, нельзя упустить.

Она имела длину человеческого роста, а ширину — троим лежать тесно, а четверым — впритыку. Я как раз был четвёртым, втолкнул уже после полуночи, трое лежавших поморщились на меня со сна при свете керосиновой коптилки и подвинулись, давая место нависнуть боком и постепенно силой тяжести вклиниваться. Так на истолчённой соломке пола стало нас восемь сапог к двери и четыре шинели. Они спали, я пылал. Чем самоуверенней я был капитаном полдня назад, тем больней было защемиться на дне этой каморки. Раз-другой ребята просыпались от затеклости бока, и мы разом переворачивались.

К утру они отоспались, зевнули, крикнули, подобрали ноги, рассунулись в разные углы — и началось знакомство.

— А ты за что?

Но смутный ветерок настороженности уже опухнул меня под отравленной кровлею СМЕРША, и я простосердечно удивился:

— Понятия не имею. Рази ж говорят, гады?

Однако сокамерники мои — танкисты в чёрных мягких шлемах — не скрывали. Это были три честных, три немудрящих солдатских сердца — род людей, к которым я привязался за годы войны, будучи сам и сложнее и хуже. Все трое они были офицерами. Погоны их тоже были сорваны с озлоблением, кое-где торчало и нитяное мясо. На замызганных гимнастёрках светлые пятна были следы свинченных орден, тёмные и красные рубцы на лицах и руках — память ранений и ожогов. Их дивизион, на беду, пришёл ремонтироваться сюда, в ту же деревню, где стояла контрразведка СМЕРШ 48-й армии. Отволгнув от боя, который был позавчера, они вчера выпили и на задворках деревни вломились в баню, куда, как они заметили, пошли мыться две забористые девки. От их плохопослушных пьяных ног девушки успели, полуодевшись, ускакать. Но оказалась одна из них не чья-нибудь, а — начальника контрразведки армии.

Да! Три недели уже война шла в Германии, и все мы хорошо знали: окажись девушки немки — их можно было изнасиловать, следом расстрелять, и это было бы почти боевое отличие; окажись они польки или

* И вот удивительно: человеком всё-таки можно быть! — Травкин не пострадал. Недавно мы с ним радушно встретились и познакомились впервые. Он — генерал в отставке и ревизор в союзе охотников.

наши угнанные русачки — их можно было бы во всяком случае гонять голыми по огороду и хлопать по ляжкам — забавная шутка, не больше. Но поскольку эта была «походно-полевая жена» начальника контрразведки — с трёх боевых офицеров какой-то тыловой сержант сейчас же злобно сорвал погоны, утверждённые приказом по фронту, снял ордена, выданные Президиумом Верховного Совета, — и теперь этих вояк, прошедших всю войну и смявших, может быть, не одну линию вражеских траншей, ждал суд военного трибунала, который без их танка ещё б и не добрался до этой деревни.

Коптилку мы погасили, и так уж она сожгла всё, чем нам тут дышать. В двери был прорезан волчок величиной с почтовую открытку, и оттуда падал непрямой свет коридора. Будто беспокою, что с наступлением дня нам в карцере станет слишком просторно, к нам тут же *подкинули* пятого. Он вшагнул в новенькой красноармейской шинели, шапке тоже новой, и, когда стал против волчка, явил нам курносое свежее лицо с румянцем во всю щеку.

— Откуда, брат? Кто такой?

— С *той* стороны, — бойко ответил он. — Шпиён.

— Шутишь? — обомлели мы. (Чтобы шпион, и сам об этом говорил — так никогда не писали Шейнин и братья Тур!)

— Какие могут быть шутки в военное время! — рассудительно вздохнул паренёк. — А как из плена домой вернуться? — ну, научите.

Он едва успел начать нам рассказ, как его сутки назад немцы перевели через фронт, чтоб он тут шпионил и рвал мосты, а он тотчас же пошёл в ближайший батальон сдаваться, и бессонный измотанный комбат никак ему не верил, что он шпион, и посылал к сестре выпить таблеток, — вдруг новые впечатления ворвались к нам.

— На оправку! Руки назад! — звал через распахнувшуюся дверь старшина-лоб, вполне бы годный перетягивать хобот 122-миллиметровой пушки.

По всему крестьянскому двору уже расставлено было оцепление автоматчиков, охранявшее указанную нам тропку в обход сарая. Я взрывался от негодования, что какой-то невежа-старшина смел командовать нам, офицерам, «руки назад», но танкисты взяли руки назад, и я пошёл вослед.

За сараем был маленький квадратный загон с ещё нестаявшим утоптаным снегом — и весь он был загажен кучками человеческого кала, так беспорядочно и густо по всей площади, что нелегка была задача — найти, где бы поставить две ноги и присесть. Всё же мы разобрались и в разных местах присели все пятеро. Два автоматчика угрюмо выставили против нас, низко присевших, автоматы, а старшина, не прошло минуты, резко понукал:

— Ну, поторапливайся! У нас быстро оправляются!

Невдалеке от меня сидел один из танкистов, ростовчанин, рослый хмурый старший лейтенант. Лицо его было зачернено налётом металлической пыли или дыма, но большой красный шрам через щеку хорошо на нём заметен.

— Где это — у вас? — тихо спросил он, не выказывая намерения торопиться в карцер, пропахший керосином.

— В контрразведке СМЕРШ! — гордо и звончей чем требовалось отрубил старшина. (Контрразведчики очень любили это безвкусно сляпанное — из «смерть шпионам» — слово. Они находили его пугающим.)

— А у нас — медленно, — раздумчиво ответил старший лейтенант. Его шлем сбился назад, обнажая на голове ещё несостриженные волосы. Его одубелая фронтальная задница была подставлена приятному холодному ветерку.

— Где это — у вас? — громче чем нужно гавкнул старшина.

— В Красной армии, — очень спокойно ответил старший лейтенант с короточек, меряя взглядом несостоявшегося хоботного.

Таковы были первые глотки моего тюремного дыхания.

Глава 2

ИСТОРИЯ НАШЕЙ КАНАЛИЗАЦИИ

Когда теперь бранят *произвол культа*, то упираются всё снова и снова в настрывшие 1937–38 годы. И так это начинает запоминаться, как будто ни *до* не сажали, ни *после*, а только вот в 37–38-м.

Не боюсь, однако, ошибиться, сказав: *поток* 37–38-го ни единственным не был, ни даже главным, а только, может быть, — одним из трёх самых больших потоков, распиравших мрачные зловонные трубы нашей тюремной канализации.

До него был поток 29–30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллионы пятнадцать мужиков (а как бы и не поболее). Но мужики — народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров. С ними и следователи по ночам не корпели, на них и протоколов не тратили — довольно и сельсоветского постановления. Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нём почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил. А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелей.

И после был поток 44–46-го годов, с добрый Енисей: гнали по сточным трубам целые нации и ещё миллионы и миллионы — побывавших (из-за нас же!) в плену, увезенных в Германию и вернувшихся потом. (Это Сталин прижигал раны, чтоб они поскорей заструпились и не стало бы надо всему народному телу отдохнуть, раздышаться, подправиться.) Но и в этом потоке народ был больше простой и мемуаров не написал.

А поток 37-го года прихватил и понёс на Архипелаг также и людей с положением, людей с партийным прошлым, людей с образованием, да вокруг них много пораненных осталось в городах, и сколько с пером! — и все теперь вместе пишут, говорят, вспоминают: тридцать седьмой! Волга народного горя!

А скажи крымскому татарину, калмыку или чечену «тридцать седьмой» — он только плечами пожмёт. А Ленинграду что тридцать седьмой, когда прежде был тридцать пятый? А *повторникам* или прибалтам не тяжче был 48–49-й? И если попрекнут меня ревнители стиля и географии, что ещё упустил я в России реки, так и потоки ещё не названы, дайте страниц! Из потоков и остальные сольются.

Известно, что всякий орган без упражнения отмирает.

Итак, если мы знаем, что *Органы* (этим гадким словом они назвали себя сами), воспелые и приподнятые надо всем живущим, не отмирали ни единым щупальцем, но, напротив, наращивали их и крепили мускулатурой, — легко догадаться, что они упражнялись постоянно.

По трубам была пульсация — напор то выше проектного, то ниже, но никогда не оставались пустыми тюремные каналы. Кровь, пот и моча — в которые были выжаты мы — хлестали по ним постоянно. История этой

канализации есть история непрерывного заглота и течения, только половодья сменялись межениями и опять половодьями, потоки сливались то большие, то меньшие, ещё со всех сторон текли ручейки, ручейки, стоки по желобкам и просто отдельные захваченные капельки.

Приводимый дальше повременной перечень, где равно упоминаются и потоки, состоявшие из миллионов арестованных, и ручейки из простых неприметных десятков, — очень ещё не полон, убог, ограничен моей способностью проникнуть в прошлое. Тут потребуются много дополнений от людей знающих и оставшихся в живых.

* * *

В этом перечне труднее всего начать. И потому, что чем глубже в десятилетия, тем меньше осталось свидетелей, молва загасла и затемнилась, а летописей нет или под замком. И потому, что не совсем справедливо рассматривать здесь в едином ряду и годы особого ожесточения (Гражданская война), и первые мирные годы, когда ожидалось бы милосердие.

Но ещё и до всякой Гражданской войны увиделось, что Россия в таком составе населения, как она есть, ни в какой социализм, конечно, не годится, что она вся загажена. Один из первых ударов диктатуры пришёлся по кадетам (при царе — крайняя зараза революции, при власти пролетариата — крайняя зараза реакции). В конце ноября 1917, в первый несостоявшийся срок созыва Учредительного Собрания, партия кадетов была объявлена вне закона и начались аресты их. Около того же времени проведены *посадки* «Союза защиты Учредительного Собрания» и системы «солдатских университетов».

По смыслу и духу революции легко догадаться, что в эти месяцы наполнились Кресты, Бутырки и многие родственные им провинциальные тюрьмы — крупными богачами; видными общественными деятелями, генералами и офицерами; да чиновниками министерств и всего государственного аппарата, не выполняющими распоряжений новой власти. Одна из первых операций ЧК — арест стачечного комитета Всероссийского союза служащих. Один из первых циркуляров НКВД, декабрь 1917: «Ввиду саботажа чиновников... проявить максимум самостоятельности на местах, *не отказываясь* от конфискации, принуждения и арестов»*.

И хотя В.И. Ленин в конце 1917 для установления «строго революционного порядка» требовал «беспощадно подавлять попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционеров и других лиц»**, то есть главную опасность Октябрьской революции он ожидал от пьяниц, а контрреволюционеры толпились где-то там в третьем ряду, — однако он же ставил задачу и шире. В статье «Как организовать соревнование» (7–10 января 1918) В.И. Ленин провозгласил общую единую цель «очистки земли российской от всяких вредных насекомых». И под *насекомыми* он понимал не только всех классово-чуждых, но также и «рабочих, отлынивающих от работы», например наборщиков питерских партийных типографий. (Вот что делает даль времени. Нам сейчас и понять трудно, как это рабочие, едва став *диктаторами*, тут же склонились отлынивать от работы на себя самих.) А ещё: «...в каком квартале большого города,

* Вестник Отдела местного управления Комиссариата внутренних дел: Журн. ВЦИК. М., 1917, № 1, с. 4.

** В.И. Ленин. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политич. лит., 1958–1965. Т. 35, с. 68.

на какой фабрике, в какой деревне... нет... саботажников, называющих себя интеллигентами?»* Правда, формы очистки от насекомых Ленин в этой статье предвидел разнообразные: где посадят, где поставят чистить сортиры, где «по отбытии карцера выдадут жёлтые билеты», где *расстреляют тунядца*; тут на выбор — тюрьма «или наказание на принудительных работах тягчайшего вида»**. Хотя, усматривая и подсказывая основные направления кары, Владимир Ильич предлагал нахождение лучших мер очистки сделать объектом соревнования «коммун и общин».

Кто попал под это широкое определение насекомых, нам сейчас не исследовать в полноте: слишком неидиообразно было российское население и встречались среди него обособленные, совсем ненужные, а теперь и забытые малые группы. Насекомыми были, конечно, земцы. Насекомыми были кооператоры. Все домовладельцы. Немало насекомых было среди гимназических преподавателей. Сплошь насекомые обседали церковные приходские советы, насекомые пели в церковных хорах. Насекомыми были все священники, а тем более — все монахи и монахини. Но и те толстовцы, которые, поступая на советскую службу или, скажем, на железную дорогу, не давали обязательной письменной присяги защищать советскую власть с оружием в руках, — также выявляли себя как насекомые (и мы ещё увидим случаи суда над ними). К слову пришлось железные дороги — так вот очень много насекомых скрывалось под железнодорожной формой, и их необходимо было *выдёргивать*, а кого и *шлёпать*. А телеграфисты, те почему-то в массе своей были заядлые насекомые, несочувственные к Советам. Не скажешь доброго и о ВИКЖЕЛе, и о других профсоюзах, часто переполненных насекомыми, враждебными рабочему классу.

Даже те группы, что мы перечислили, вырастают уже в огромное число — на несколько лет очистительной работы.

А сколько всяких окаянных интеллигентов, неприкаянных студентов, разных чудаков, правдоискателей и юродивых, от которых ещё Пётр I тшился очистить Русь и которые всегда мешают стройному строному Режиму?

И невозможно было бы эту санитарную очистку произвести, да ещё в условиях войны, если бы пользовались устарелыми процессуальными формами и юридическими нормами. Но форму приняли совсем новую: *внесудебную расправу*, и неблагодарную эту работу самоотверженно взвалила на себя ВЧК — Часовой Революции, единственный в человеческой истории карательный орган, совместивший в одних руках: слежку, арест, следствие, прокуратуру, суд и исполнение решения.

В 1918 году, чтобы ускорить также и культурную победу революции, начали потрошить и вытряхивать мощи святых угодников и отбирать церковную утварь. В защиту разоряемых церквей и монастырей вспыхивали народные волнения. Там и сям колоколили набаты, и православные бежали, кто и с палками. Естественно, приходилось кого *расходовать* на месте, а кого арестовывать.

Размышляя теперь над 1918–20 годами, затрудняемся мы: относить ли к тюремным потокам всех тех, кого *расшлёпали*, не доведя до тюремной камеры? И в какую графу всех тех, кого комбеды *убирали* за крылечком сельсовета или на дворовых задах? Успевали ли стать хоть ногою на

* В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 204.

** Там же, с. 203.

землю Архипелага участники заговоров, раскрывавшихся гроздьями, каждая губерния свой (два рязанских, костромской, вышневолоцкий, велижский, несколько киевских, несколько московских, саратовский, черниговский, астраханский, селигерский, смоленский, бобруйский, тамбовский кавалерийский, чембарский, великолукский, мстиславльский и другие) или не успевали и потому не относятся к предмету нашего исследования? Минуя подавление знаменитых мятежей (Ярославский, Муромский, Рыбинский, Арзамасский), мы некоторые события знаем только по одному названию — например Колпинский расстрел в июне 1918 — что это? кого это?.. И куда записывать?

Немалая трудность и решить: сюда ли, в тюремные потоки, или в баланс Гражданской войны отнести десятки тысяч *заложников*, этих ни в чём лично не обвинённых и даже карандашом по фамилиям не переписанных мирных жителей, взятых на уничтожение во страх и в месть военному врагу или восставшей массе? После 30.8.1918 НКВД дал указания на места «немедленно арестовать *всех* правых эсеров, а из буржуазии и офицерства взять *значительное количество заложников*»*. (Ну, как если бы, например, после покушения группы Александра Ульянова была бы арестована не она только, но и все студенты в России и *значительное количество земцев*.) Это так открыто и объяснялось (Лацис, газета «Красный террор», 1 ноября 1918): «Мы не ведём войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора». Постановлением Совета Обороны от 15.2.1919 — очевидно под председательством Ленина — предложено ЧК и НКВД брать заложниками *крестьян* тех местностей, где расчистка снега с железнодорожных путей «производится не вполне удовлетворительно», — с тем, что, «если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны»**. Постановлением СНК конца 1920 разрешено брать заложниками и социал-демократов.

Но, даже узко следя лишь за обычными арестами, мы должны отметить, что уже с весны 1918 полился многолетний непрерываемый поток изменников-социалистов. Все эти партии — эсеров, меньшевиков, анархистов, народных социалистов, они десятилетиями только притворялись революционерами, только носили личину — и на каторгу для этого шли, всё притворялись. И лишь в порывистом ходе революции сразу обнаружилась буржуазная сущность этих социал-предателей. Естественно же было приступить к их арестам! Вскоре за кадетами, за разгонном Учредительного Собрания, обезоружением Преображенского и других полков стали брать помалу, сперва потихоньку, и эсеров с меньшевиками. С 14 июня 1918, дня исключения их изо всех советов, эти аресты пошли гуще и дружнее. С 6 июля — туда же погнали и левых эсеров, коварнее и дольше притворявшихся союзниками единственной последовательной партии пролетариата. С тех пор достаточно было на любом заводе или в любом городке рабочего

* Вестник НКВД: Журн. ВЦИК. М., 1918, № 21—22, с. 1.

** Декреты советской власти. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1968, с. 627.

волнения, недовольства, забастовки (их много было уже летом 1918, а в марте 1921 они сотрясли Петроград, Москву, потом Кронштадт и вынудили НЭП), чтобы одновременно с успокоением, уступками, удовлетворением справедливых требований рабочих — ЧК неслышно бы выхватывало ночами меньшевиков и эсеров как истинных виновников этих волнений. Летом 1918, в апреле и октябре 1919 густо сажали анархистов. В 1919 была посажена вся досягаемая часть эсеровского ЦК — и досидела в Бутырьках до своего процесса в 1922. В том же 1919 видный чекист Лацис писал о меньшевиках: «Такие люди нам больше, чем мешают. Вот почему мы убираем их с дороги, чтобы не путались под ногами... Мы их сажаем в укромное местечко, в Бутырки, и заставляем отсиживаться, пока не кончится борьба труда с капиталом»* В июле 1918 беспартийный рабочий съезд весь арестован отрядом латышской охраны Кремля, и в Таганке едва не перестреляны все тотчас.

Уже в 1919 году была понята и вся подозрительность наших русских, возвращающихся из-за границы (зачем? с каким заданием?), — и так сажались приезжавшие офицеры экспедиционного (во Франции) русского корпуса.

В 19-м же году с широким замётом вокруг истинных и псевдозаговоров («Национальный Центр», Военный Заговор) в Москве, в Петрограде и в других городах расстреливали *по спискам* (то есть брали вольных сразу для расстрела) и просто гребли в тюрьму интеллигенцию, так называемую околкадетскую. А что значит «околкадетская»? Не монархическая и не социалистическая, то есть: все научные круги, все университетские, все художественные, литературные да и вся инженерия. Кроме крайних писателей, кроме богословов и теоретиков социализма, вся остальная интеллигенция, 80% её, и была «околкадетской». Сюда, по мнению Ленина, относился, например, Короленко — «жалкий мешанин, пленённый буржуазными предрассудками», «таким "талантам" не грех посидеть недельки в тюрьме»**. Об отдельных арестованных группах мы узнаём из протестов Горького. 15.9.1919 Ильич отвечает ему: «...для нас ясно, что и тут ошибки были»***, но — «Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!»****, и советует Горькому не «тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов»*****.

С января 1919 года расширена продразвёрстка и для сбора её составляются продотряды. Они встретили повсюдное сопротивление деревни — то упрямо-уклончивое, то бурное. Подавление этого противодействия тоже дало (не считая расстрелянных на месте) обильный поток арестованных в течение двух лет.

Мы сознательно обходим здесь всю ту большую часть помола ЧК, Особотделов и Реввоентрибуналов, которая связана была с продвижением линии фронта, с занятием городов и областей. Та же директива НКВД от 30.8.1918 направляла усилия «к безусловному расстрелу всех замешанных в белогвардейской работе». Но иногда теряешься: как правильно

* М.И. Лацис (Я.Ф. Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте: Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М.: Гос. изд-во, 1920, с. 61. — (Речи и беседы агитатора, № 9.)

** В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 48.

*** Там же, с. 47.

**** Там же, с. 48.

***** Там же, с. 49.

разграничивать? Если с лета 1920 года, когда Гражданская война ещё не вся и не всюду кончена, но на Дону уже кончена, оттуда, из Ростова и Новочеркасска, во множестве отправляют офицеров в Архангельск, а дальше баржами на Соловки (и несколько барж потоплено в Белом море — как, впрочем, и в Каспийском) — то относить ли это всё ещё к Гражданской войне или к началу мирного строительства? Если в том же году в Новочеркасске расстреливают беременную офицерскую жену за укрытие мужа, то по какому разряду её списывать?

В мае 1920 года известно постановление ЦК «О подрывной деятельности в тылу». Из опыта мы знаем, что всякое такое постановление есть импульс к новому всеместному потоку арестантов, есть внешний знак потока.

Особой трудностью (но и особым достоинством!) в организации этих всех потоков было до 1922 года отсутствие Уголовного кодекса, какой-либо системы уголовных законов. Одно лишь революционное правосознание (но всегда безошибочно!) руководило изымателями и канализаторами: кого брать и что с ними делать.

В этом обзоре не будут проследиваться потоки уголовников и бытовиков, и поэтому только напомним, что всеобщие бедствия и недостатки при перестройке администрации, учреждений и всех законов лишь могли сильно увеличить число краж, разбойных нападений, насилий, взяток и перепродаж (спекуляций). Хотя и не столь опасные существованию Республики, эти уголовные преступления тоже частично преследовались и своими арестантскими потоками увеличивали потоки контрреволюционеров. А была *спекуляция* и совершенно политического характера, как указывал декрет Совнаркома за подписью Ленина от 22.7.1918: «...виновные в сбыте, скупке или хранении для сбыта в виде промысла продуктов питания, монополизированных Республикой (крестьянин хранит хлеб — для сбыта в виде промысла, а какой же его промысел?? — А.С.) ...лишение свободы на срок *не менее* 10 лет, соединенное с *тяжчайшими* принудительными работами и конфискацией *всего* имущества».

С того лета черезильно напрягшаяся деревня год за годом отдавала урожай безвозмездно. Это вызывало крестьянские восстания, а стало быть подавление их и новые аресты. («Самая трудолюбивая часть народа положительно искоренялась», — Короленко, письмо Горькому от 10.8.1921.) В 1920 году мы знаем (не знаем...) процесс «Сибирского Крестьянского Союза». В конце 1920 происходит предварительный разгром тамбовского крестьянского восстания, руководимого Союзом Трудового Крестьянства (как и в Сибири). Тут судебного процесса не было...

Но главная доля людских изъятий из тамбовских деревень приходится на июнь 1921 года. По Тамбовской губернии раскинуты были концентрационные лагеря для семей крестьян, участвующих в восстании. Куски открытого поля обтягивались столбами с колючей проволокой, и три недели там держали каждую семью, заподозренную в том, что мужчина из неё — в восстании. Если за три недели тот не являлся, чтобы своей головой выкупить семью, — семью ссылали*.

Ещё ранее, в марте 1921, на острова Архипелага через Трубецкой бастийн Петропавловской крепости отправлены были, за вычетом расстрелянных, матросы восставшего Кронштадта.

* М. Тухачевский. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. М.: Война и техника, 1926. Кн. 8, с. 10, 11.

Тот 1921 год начался с приказа ВЧК № 10 (от 8.1.1921): «в отношении буржуазии репрессии усилить!» Теперь, когда кончилась Гражданская война, не ослабить репрессии, но *усилить!* Как это выглядело в Крыму, сохранил нам Волошин в некоторых стихах.

Летом 1921 был арестован Общественный Комитет Содействия Голодающим (Кускова, Прокопович, Кишкин и др.), пытавшийся остановить надвигание небывалого голода на Россию. Дело в том, что эти кормящие руки были *не те* руки, которым можно было разрешить кормить голодных. Поощрённый председатель этого Комитета умирающий Короленко назвал разгром комитета — «худшим из политиканств, правительственным политиканством» (письмо Горькому от 14.9.1921). (И Короленко же напоминает нам важную особенность тюрьмы 1921 года — «она вся пропитана тифом». Так подтверждает Скрипникова и другие, сидевшие тогда.)

В том 1921 году уже практиковались и аресты *студентов* (например, Тимирязевская Академия, группа Е. Дояренко) за «критику порядков» (не публичную, но в разговорах между собой). Таких случаев было ещё, видимо, немного, потому что указанную группу допрашивали сами Менжинский и Ягода.

Но и не так мало. Чем же, как не арестами, могла кончиться неожиданная смелая забастовка студентов МВТУ весной 1921? С годов лютой столыпинской реакции в этом училище была традиция, что ректор его выбирался из своих же профессоров. Таков и был профессор Калинин (мы его ещё встретим на скамье подсудимых), революционная власть прислала вместо него какого-то серенького инженера. Это было в разгар экзаменационной сессии. Студенты отказались сдавать экзамены, собрались на бурлящую сходку во дворе, отвергли присланного ректора и потребовали сохранить статут самоуправления училища. А потом вся сходка отправилась пешком на Моховую для товарищеской встречи со студентами Университета. — Вот и загадка: что же делать власти? Загадка, да не для коммунистов. В царское время забурлила бы вся благородная печать, весь образованный мир: долой правительство, долой царя! А теперь — записали ораторов, дали сходке разойтись, прекратили экзаменационную сессию, а в летние каникулы по одному в разных местах взяли всех, кого надо. Другие так и не получили инженерного образования.

В том же 1921 расширились и унаправлены аресты социалистических инопартийцев. Уже, собственно, поконали все политические партии России, кроме победившей. (О, не рой другому яму!) А чтобы распад партий был необратим — надо было ещё, чтобы распались и сами члены этих партий, тела этих членов.

Ни один гражданин российского государства, когда-либо вступивший в иную партию, не в большевики, уже судьбы своей не избежал, он был обречён (если не успевал, как Майский или Вышинский, по доскам крушения перебежать в коммунисты). Он мог быть арестован не в первую очередь, он мог дожить (по степени своей опасности) до 1922, до 32-го или даже до 37-го года, но списки хранились, очередь шла, очередь доходила, его арестовывали или только любезно приглашали и задавали единственный вопрос: состоял ли он... от... до... ? (Бывали вопросы и о его враждебной деятельности, но первый вопрос решал всё, как это ясно нам теперь через десятилетия.) Дальше разная могла быть судьба. Иные

попадали сразу в один из знаменитых царских централов (счастливым образом централы все хорошо сохранились, и некоторые социалисты попадали даже в те самые камеры и к тем же надзирателям, которых знали уже). Иным предлагали проехать в ссылку — о, ненадолго, годика на два-на три. А то ещё мягче: только получить *минус* (столько-то городов), выбрать самому себе местожительство, но уж дальше, будьте ласковы, жить в этом месте прикрепленно и ждать воли ГПУ.

Операция эта растянулась на многие годы, потому что главным условием её была тишина и незамечаемость. Важно было неукоснительно очищать Москву, Петроград, порты, промышленные центры, а потом просто уезды от всех иных видов социалистов. Это был грандиозный беззвучный пасьянс, правила которого были совершенно непонятны современникам, очертания которого мы можем оценить только теперь. Чей-то дальновидный ум это спланировал, чьи-то аккуратные руки, не пропуская ни мига, подхватывали карточку, отбывшую три года в одной кучке, и мягко перекладывали её в другую кучку. Тот, кто посидел в централе, — переводился в ссылку (и куда-нибудь подальше), кто отбыл «минус» — в ссылку же (но за пределами видимости от «минуса»), из ссылки — в ссылку, потом снова в централ (уже другой); терпение и терпение господствовало у раскладывающих пасьянс. И без шума, без вопля постепенно затеривались инопартийные, роняли всякие связи с местами и людьми, где прежде знали их и их революционную деятельность, — и так незаметно и неуклонно подготавливалось уничтожение тех, кто когда-то бушевал на студенческих митингах, кто гордо позванивал царскими кандалами. (Короленко писал Горькому 29.6.1921: «История когда-нибудь отметит, что с искренними революционерами и социалистами большевистская революция расправлялась теми же средствами, как и царский режим». О, если бы только так! — они бы все выжили.)

В этой операции Большой Пасьянс было уничтожено большинство старых политкаторжан, ибо именно эсеры и анархисты, а не социал-демократы получали от царских судов самые суровые приговоры, именно они и составляли население старой каторги.

Очерёдность уничтожения была, однако, справедлива: в 20-е годы им предлагалось подписать письменные отречения от своих партий и партийной идеологии. Некоторые отказывались — и так естественно попадали в первую очередь уничтожения, другие давали такие отречения — и тем прибавляли себе несколько лет жизни. Но неумолимо натекала и их очередь, и неумолимо сваливалась с плеч и их голова.

Иногда прочтёшь в газете статейку и дивишься ей до головокружения. «Известия» 24.5.1959: через год после прихода Гитлера к власти Максимилиан Хауке арестован за принадлежность к... не к какой-нибудь партии, а к коммунистической. Его уничтожили? Нет, осудили на *два* года. После этого, конечно, новый срок? Нет, выпустили на волю. Вот и понимай как знаешь! Он тихо жил потом, создавал подполье, в связи с чем и статья о его бесстрашии.

Весной 1922 года Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, только что переименованная в ГПУ, решила вмешаться в церковные дела. Надо было произвести ещё и «церковную революцию» — сменить руководство и поставить такое, которое лишь одно ухо наставляло бы к небу, а другое к Лубянке. Такими обещали стать живо-

церковники, но без внешней помощи они не могли овладеть церковным аппаратом. Для этого арестован был патриарх Тихон и проведены два громких процесса с расстрелами: в Москве — распространителей патриаршего воззвания, в Петрограде — митрополита Вениамина, мешавшего переходу церковной власти к живоцерковникам. В губерниях и уездах там и здесь арестованы были митрополиты и архиереи, а уж за крупной рыбой, как всегда, шли косяки мелкой — протоиереи, монахи и дьяконы, о которых в газетах не сообщалось. Сажали тех, кто не присягал живоцерковному обновленческому напору.

Священнослужители текли обязательной частью каждодневного улова, серебряные седины их мелькали в каждой камере, а затем и в каждом соловецком этапе.

Попадали с ранних 20-х годов и группы теософов, мистиков, спиритов (группа графа Палена вела протоколы разговоров с духами), религиозные общества, философы бердяевского кружка. Мимоходом были разгромлены и пересажены «восточные католики» (последователи Владимира Соловьёва), группа А.И. Абрикосовой. Как-то уж сами собой садились и просто католики — польские ксёндзы.

Однако коренное уничтожение религии в этой стране, все 20-е и 30-е годы бывшее одной из важных целей ГПУ—НКВД, могло быть достигнуто только массовыми посадками самих верующих православных. Интенсивно изымались, сажались и ссылались монахи и монашенки, так зачернявшие прежнюю русскую жизнь. Арестовывали и судили церковные активы. Круги всё расширялись — и вот уже гребли просто верующих мирян, старых людей, особенно женщин, которые верили упорнее и которых теперь на пересылках и в лагерях на долгие годы тоже прозвали *монашками*.

Правда, считалось, что арестовывают и судят их будто бы не за самую веру, но за высказывание своих убеждений вслух и за воспитание в этом духе детей. Как написала Таня Ходкевич:

Молиться можешь ты *свободно*,
Но... так, чтоб слышал Бог один.

(За это стихотворение она получила десять лет.) Человек, верящий, что он обладает духовной истиной, должен скрывать её от... своих детей!! Религиозное воспитание детей стало в 20-е годы квалифицироваться как 58-10, то есть контрреволюционная агитация! Правда, на суде ещё давали возможность отречься от религии. Нечасто, но бывало так, что отец отрекался и оставался растить детей, а мать семейства шла на Соловки (все эти десятилетия женщины проявляли в вере большую стойкость). Всем религиозным давали десятку, высший тогда срок.

(Очищая крупные города для наступающего чистого общества, в те же годы, особенно в 1927, вперемешку с «монашками» слали на Соловки и проституток. Любительницам грешной земной жизни, им давали лёгкую статью и по три года. Обстановка этапов, пересылок, самих Соловков не мешала им зарабатывать своим весёлым промыслом и у начальства, и у конвойных солдат и с тяжёлыми чемоданами через три года возвращаться в исходную точку. Религиозным же закрыто было когда-нибудь вернуться к детям и на родину.)

Уже в ранние 20-е годы появились и потоки чисто национальные — пока ещё небольшие для своих окраин, а уж тем более по русским меркам: мусаватов из Азербайджана, дашнаков из Армении, грузинских меньшевиков и туркменов-«басмачей», сопротивлявшихся установлению в Средней Азии советской власти. В 1926 году было полностью пересажено сионистское общество «Гехалуц», не сумевшее подняться до всеувлекающего порыва интернационализма.

Среди многих последующих поколений утвердилось представление о 20-х годах как о некоем разгуле ничем не стеснённой свободы. В этой книге мы ещё встретимся с людьми, кто воспринимал 20-е годы иначе. Беспартийное студенчество в это время билось за «автономию высшей школы», за право сходов, за освобождение программы от избытка политграмоты. Ответом были аресты. Они усилились к праздникам (например, к 1 мая 1924). В 1925 ленинградские студенты (числом около сотни) все получили по три года политизолятора за чтение «Социалистического вестника» и штудирование Плеханова (сам Плеханов во времена своей юности за выступление против правительства у Казанского собора отделался много дешевле). В 25-м году уже начали сажать и самых первых (молоденьких) троцкистов. (Два наивных красноармейца, вспомнив русскую традицию, стали собирать средства на арестованных троцкистов — получили тоже политизолятор.)

Уж разумеется, не были обойдены ударом и эксплуататорские классы. Все 20-е годы продолжалось выматывание ещё уцелевших бывших офицеров: и белых (но не заслуживших расстрела в Гражданскую войну), и бело-красных, повоевавших там и здесь, и царско-красных, но которые не всё время служили в Красной армии или имели перерывы, не удостоверенные бумагами. Выматывали — потому что сроки им давали не сразу, а проходили они — тоже пасьянс! — бесконечные проверки, их ограничивали в работе, в жительстве, задерживали, отпускали, снова задерживали, — лишь постепенно они уходили в лагерь, чтобы больше от туда не вернуться.

Однако отправкой на Архипелаг офицеров решение проблемы не заканчивалось, а только начиналось: ведь оставались матери офицеров, жёны и дети. Пользуясь непогрешимым социальным анализом, легко было представить, что у них за настроение после ареста глав семей. Тем самым они просто вынуждали сажать и их! И льётся ещё этот поток.

В 20-е годы была амнистия казакам, участникам Гражданской войны. С Лемноса многие вернулись на Кубань и на Дон, получали землю. Позже все были посажены.

Затаились и подлежали вылавливанию также и все прежние государственные чиновники. Они умело маскировались, они пользовались тем, что ни паспортной системы, ни единых трудовых книжек ещё не было в Республике, — и пролезали в советские учреждения. Тут помогали обмолвки, случайные узнавания, соседские доносы... то бишь боевые донесения. (Иногда — и чистый случай. Некто Мова из простой любви к порядку хранил у себя список всех бывших губернских юридических работников. В 1925 случайно это у него обнаружили — всех взяли — и всех расстреляли.)

Так лились потоки «за сокрытие соцпроисхождения», за «бывшее социальное положение». Это понималось широко. Брали дворян по сословному признаку. Брали дворянские семьи. Наконец, не очень разобравшись,

брали и *личных дворян*, то есть попросту — окончивших когда-то университет. А уж взят — пути назад нет, сделанного не воротишь. Часовой Революции не ошибается.

(Нет, всё-таки есть пути назад! — это тонкие, тощие противоположки — но иногда они пробиваются. И первый из них упомянем здесь. Среди дворянских и офицерских жён и дочерей не в редкость были женщины выдающихся личных качеств и привлекательной наружности. Некоторые из них сумели пробиться небольшим обратным потоком — встречным! Это были те, кто помнил, что жизнь даётся нам один только раз и ничего нет дороже *нашей* жизни. Они предложили себя ЧК-ГПУ как осведомительницы, как сотрудницы, как кто угодно — и те, кто понравились, были приняты. Это были плодотворнейшие из осведомителей! Они много помогли ГПУ, им очень верили «бывшие». Здесь называют последнюю княгиню Вяземскую, виднейшую послереволюционную стукачку (стукачом был и сын её на Соловках); Конкордию Николаевну Иоссе — женщину, видимо, блестящих качеств: мужа её, офицера, при ней расстреляли, самую сослали в Соловки, но она сумела выпроситься назад и вблизи Большой Лубянки вести салон, который любили посещать крупные деятели этого Дома. Вновь посажена она была только в 1937, со своими ягодиными клиентами.)

Смешно сказать, но по нелепой традиции сохранялся от старой России Политический Красный Крест. Три отделения было: Московское (Е. Пешкова), Харьковское (Сандомирская) и Петроградское. Московское вело себя прилично — и до 1937 не было разогнано. Петроградское же (старый народник Шевцов, хромой Гартман, Кочаровский) держалось несносно, нагло, ввязывалось в политические дела, искало поддержки старых шлиссельбуржцев (Новорусский, одноделец Александра Ульянова) и помогало не только социалистам, но и *ка-эрам* — контрреволюционерам. В 1926 оно было закрыто и деятели его отправлены в ссылку.

Годы идут, и неосвежаемое всё стирается из нашей памяти. В обёрнутой дали 1927 год воспринимается нами как беспечный сытый год ещё необрубленного НЭПа. А был он — напряжённый, содрогался от газетных взрывов и воспринимался у нас, внушался у нас как канун войны за мировую революцию. Убийству советского полпреда в Варшаве, залившему целые полосы июньских газет, Маяковский посвятил четыре громовых стихотворения.

Но вот незадача: Польша приносит извинения, единичный убийца Войкова* арестован там, — как же и над кем же выполнить призывы поэта:

Спайкой,
стройкой,
выдержкой
и *расправой*
Спущенной своре
шею сверни!

* Видимо, монархист Борис Коверда мстил Войкову персонально: уральский облкомпрод П.Л. Войков в июле 1918 руководил расстрелом царской семьи и затем уничтожением следов расстрела (разрубкой и распилкой трупов, сожжением и сбросом пепла).

С кем же расправиться? кому свернуть шею? Вот тут-то и начинается *войковский набор*. Как всегда, при всяких волнениях и напряжениях сажают *бывших*, сажают анархистов, эсеров, меньшевиков, а и просто так интеллигенцию. В самом деле — кого же сажать в городах? Не рабочий же класс! Но интеллигенцию «околокадетскую» и без того хорошо потрясли ещё с 1919 года. Так не пришла ли пора потрясти интеллигенцию, которая изображает себя передовой? Перелистать студенчество. Тут и Маяковский опять под руку:

Думай
о комсомоле
дни и недели!
Ряды
свои
оглядывай зорче.
Все ли
комсомольцы
на самом деле
Или
только
комсомольца корчат?

Удобное мировоззрение рождает и удобный юридический термин: *социальная профилактика*. Он введен, он принят, он сразу всем понятен. (Один из начальников Беломорстроя Лазарь Коган так и будет скоро говорить: «Я верю, что лично вы ни в чём не виноваты. Но, образованный человек, вы же должны понимать, что проводилась широкая социальная профилактика!») В самом деле, ненадёжных попутчиков, всю эту интеллигентскую шать и гниль — когда же сажать, если не в канун войны за мировую революцию? Когда большая война начнётся — уже будет поздно.

И в Москве начинается планомерная проскрёбка квартала за кварталом. Повсюду кто-то должен быть взят. Лозунг: «Мы так трахнем кулаком по столу, что мир содрогнётся от ужаса!» К Лубянке, к Бутыркам устремляются даже днём воронки, легковые автомобили, крытые грузовики, открытые извозчики. Затор в воротах, затор во дворе. Арестованных не успевают разгружать и регистрировать. (Это — и в других городах. В Ростове-на-Дону в подвале Тридцать Третьего Дома в эти дни уже такая теснота на полу, что новоприбывшей Бойко еле находится место сесть.)

Типичный пример из этого потока: несколько десятков молодых людей сходятся на какие-то музыкальные вечера, не согласованные с ГПУ. Они слушают музыку, а потом пьют чай. Деньги на этот чай по сколько-то копеек они самовольно собирают в складчину. Совершенно ясно, что музыка — прикрытие их контрреволюционных настроений, а деньги собираются вовсе не на чай, а на помощь погибающей мировой буржуазии. И их арестовывают *всех*, дают от трёх до десяти лет (Анне Скрипниковой — пять), а несознавших зачинщиков (Иван Николаевич Варенцов и другие) — расстреливают!

Или, в том же году, где-то в Париже собираются лицеисты-эмигранты отметить традиционный «пушкинский» лицейский праздник. Об этом напечатано в газетах. Ясно, что это — затея смертельно раненного

империализма. И вот арестовываются все лицеисты, ещё оставшиеся в СССР, а заодно — и «правоведы» (другое такое же привилегированное училище).

Только размерами СЛОНа — Соловецкого Лагеря Особого Назначения — ещё пока умеряется объём войковского набора. Но уже начал свою злокачественную жизнь Архипелаг ГУЛАГ и скоро разошлёт метастазы по всему телу страны.

Отведен новый вкус, и возник новый аппетит. Давно приходит пора сокрушить интеллигентную техническую, слишком считающую себя незаменимой и не привыкшую подхватывать приказания на лету.

То есть мы никогда инженерам и не доверяли — этих лакеев и прислужников бывших капиталистических хозяев мы с первых же лет Революции взяли под здоровое рабочее недоверие и контроль. Однако в восстановительный период мы всё же допускали их работать в нашей промышленности, всю силу классового удара направляя на интеллигентную прочую. Но чем больше зрело наше хозяйственное руководство, ВСНХ и Госплан, и увеличивалось число планов, и планы эти сталкивались и вышибали друг друга — тем ясней становилась вредительская сущность старого инженерства, его неискренность, хитрость и продажность. Часовой Революции прищурился зорче — и куда только он направлял свой прищур, там сейчас же и обнаруживалось гнездо вредительства.

Эта оздоровительная работа полным ходом пошла с 1927 года и сразу ввяв показала пролетариату все причины наших хозяйственных неудач и недостат. НКПС (железные дороги) — вредительство (вот и трудно на поезд попасть, вот и перебои в доставке). МОГЭС — вредительство (перебои со светом). Нефтяная промышленность — вредительство (керосина не достанешь). Текстильная — вредительство (не во что одеться рабочему человеку). Угольная — колоссальное вредительство (вот почему мёрзнем)! Металлическая, военная, машиностроительная, судостроительная, химическая, горнорудная, золотоплатинная, ирригация — всюду гнойные нарывы вредительства! со всех сторон — враги с логарифмическими линейками! ГПУ запыхалось хватать и таскать вредителей. В столицах и в провинции работали коллегии ОГПУ и пролетарские суды, проворачивая эту тягучую нечисть, и об их новых мерзостных делишках каждый день, ахая, узнавали (а то и не узнавали) из газет трудящиеся. Узнавали о Пальчинском, фон Мекке, Величко*, а сколько было безымянных. Каждая отрасль, каждая фабрика и кустарная артель должны были искать у себя вредительство и, едва начинали, — тут же и находили (с помощью ГПУ). Если какой инженер дореволюционного выпуска и не был ещё разоблачённым предателем, то наверняка можно было его в этом подозревать.

И какие же изощрённые злодеи были эти старые инженеры, как же по-разному сатанински умели они вредить! Николай Карлович фон Мекк в Наркомпути притворялся очень преданным строительству новой экономики, мог подолгу с оживлением говорить об экономических проблемах строительства социализма и любил давать советы. Один такой самый вредный его совет был: увеличить товарные составы, не бояться тяжелогруженых. Посредством ГПУ фон Мекк был разоблачён (и расстрелян): он хотел добиться износа путей, вагонов и паровозов и

* А.Ф. Величко, инженер-путеец. Окончил Археологический институт, Институт инженеров путей сообщения. Старший инспектор НКПС. Погиб в тюрьме. Ох как пригодился бы в 1941!

оставить Республику на случай интервенции без железных дорог! Когда же, малое время спустя, новый Наркомпути товарищ Каганович распорядился пускать именно тяжелогруженные составы, и даже вдвое и втрое сверхтяжёлые (и за это открытие он и другие руководители получили ордена Ленина), — то злостные инженеры выступили теперь в виде *предельщиков* — они вопили, что это слишком, что это губительно изнашивает подвижной состав, и были справедливо расстреляны за неверие в возможности социалистического транспорта.

Этих предельщиков бьют несколько лет, они — во всех отраслях, трясут своими расчётными формулами и не хотят понять, как мостам и станкам помогает энтузиазм персонала. (Это годы изворота всей народной психологии: высмеивается оглядчивая народная мудрость, что быстро хорошо не бывает, и выворачивается старинная пословица «тише едешь...».) Что только задерживает иногда арест старых инженеров — это неготовность смены. Николай Иванович Ладыженский, главный инженер военных ижевских заводов, сперва арестовывается за «предельные теории», за «слепую веру в запас прочности», исходя из какой-то, считал недостаточными суммы, подписанные Орджоникидзе для расширения заводов. (А Орджоникидзе, рассказывают, разговаривал со старыми инженерами так: клал на письменный стол по пистолету справа и слева.) Но затем его переводят под домашний арест — и велят работать на прежнем месте (дело без него разваливается). Он налаживает. Но суммы как были недостаточны, так и остались — и вот теперь-то его снова в тюрьму «за неправильное использование сумм»: потому и не хватило их, что главный инженер плохо ими распорядился! В один год Ладыженский умирает на лесоповале.

Так в несколько лет сломали хребет старой русской инженерии, составлявшей славу нашей страны, излюбленным героям Гарина-Михайловского и Замятина.

Само собой, что и в этот поток, как во всякий, прихвачиваются и другие люди, близкие и связанные с обречёнными, например и... не хотелось бы запятнать светлобронзовый лик Часового, но приходится... и несостоявшиеся осведомители. Этот вовсе секретный, никак публично не проявленный поток мы просили бы читателя всё время удерживать в памяти — особенно для первого послереволюционного десятилетия: тогда люди ещё бывали горды, у многих ещё не было понятия, что нравственность — относительна, имеет лишь узкоклассовый смысл, — и люди смели отказываться от предлагаемой службы, и всех их карали без пощады. Как раз вот за кругом инженеров предложили следить молоденькой Магдалине Эджуковой, а она не только отказалась, но рассказала своему опекуну (за ним же надо было и следить): однако тот всё равно был вскоре взят и на следствии во всём признался. Беременную Эджукову «за разглашение оперативной тайны» арестовали и приговорили к расстрелу. (Впрочем, она отделалась 25-летней цепью нескольких сроков.) В те же годы (1927), хоть в совсем другом кругу — среди видных харьковских коммунистов, так же отказалась следить и доносить на членов украинского правительства Надежда Витальевна Суровцева — за то была схвачена в ГПУ и только через четверть столетия, еле живую, выбарахталась на Колыме. А кто не всплыл — о тех мы и не знаем.

(В 30-е годы этот поток непокорных сходит к нулю: раз требуют осведомлять, значит, надо — куда ж денешься? «Плетью обуха не перешибёшь». «Не я — так другой». «Лучше буду сексотом я, хороший, чем

другой, плохой». Впрочем, тут уже добровольцы прут в сексоты, не отобьёшься: и выгодно, и добрестно.)

В 1928 году в Москве слушается громкое Шахтинское дело — громкое по публичности, которую ему придадут, по ошеломляющим признаниям и самобичеванию подсудимых (ещё пока не всех). Через два года, в сентябре 1930, с треском судятся *организаторы голода* (они! они! вот они!) — 48 вредителей в пищевой промышленности. В конце 1930 проводится ещё громче и уже безукоризненно отретипированный процесс Промпартии: тут уже все подсудимые до единого взваливают на себя любую омерзительную чушь — и вот перед глазами трудящихся, как монумент, освобождённый от покрывала, восстаёт грандиозное хитроумное сплетение всех отдельных донныне разоблачённых вредительств в единый дьявольский узел с Милюковым, Рябушинским, Детердингом и Пуанкаре.

Уже начиная вникать в нашу судебную практику, мы понимаем, что общевидные судебные процессы — это только наружные кротовые кучи, а всё главное копанье идёт под поверхность. На эти процессы выводится лишь небольшая доля посаженных, лишь те, кто соглашается противостоительно оговаривать себя и других в надежде на послабление. Большинство же инженеров, кто имел мужество и разум отвергнуть следовательскую несурзаицу, — те судятся неслышно, но лепятся и им — несознавшимися — те же *десятки* от коллегии ГПУ.

Потоки льются под землёю, по трубам, они канализируют поверхностную цветущую жизнь.

Именно с этого момента предпринят важный шаг ко всенародному участию в канализации, ко всенародному распределению ответственности за неё: те, кто своими телами ещё не грохнулись в канализационные люки, кого ещё не понесли трубы на Архипелаг, — те должны ходить поверху со знамёнами, славить суды и радоваться судебным расправам. (Это предусмотрительно! — пройдут десятилетия, история очнётся — но следователи, судьи и прокуроры не окажутся более виноваты, чем мы с вами, сограждане! Потому-то мы и убелены благопристойными сединами, что в своё время благопристойно голосовали *за*.)

Если не считать ленинско-троцкого эксперимента при процессе эсеров в 1922 году, то Сталин начал такие пробы с *организаторов голода*, — и ещё бы пробе не удался, когда все оголодали на обильной Руси, когда все только и озираются: куда ж наш хлебушка запропастился? И вот по заводам и учреждениям, опережая решение суда, рабочие и служащие гневно голосуют за смертную казнь негодям подсудимым. А уже к Промпартии — это всеобщие митинги, это демонстрации (с прихватом и школьников), это печатный шаг миллионов и рёв за стёклами судебного здания: «Смерти! Смерти! Смерти!»

На этом изломе нашей истории раздавались одинокие голоса протеста или воздержания — очень, очень много мужества надо было в том хоре и рёве, чтобы сказать «нет!» — несравнимо с сегодняшнею лёгкостью! (А и сегодня не очень-то возражают.) На собрании ленинградского Политехнического института профессор Дмитрий Аполлинарьевич Рожанский *воздержался* (он, видите, вообще противник смертной казни, это, видите ли, на языке науки необратимый процесс) — и тут же посажен! Студент Дима Олицкий — воздержался, и тут же посажен! И все эти протесты заглохли при самом начале.

Сколько знаем мы, седоусый рабочий класс одобрял эти казни. Сколько знаем мы, от пылающих комсомольцев и до партийных вождей и до легендарных командармов — весь авангард единодушно в одобрении этих казней. Знаменитые революционеры, теоретики и провидцы, за семь лет до своей бесславной гибели приветствовали тот рёв толпы, не догадываясь, что при пороге их время, что скоро и их имена поволокут в этом рёве — «нечистью» и «мразью».

А для инженеров как раз тут вскоре разгром и кончался. Летом 1931 года вымолил Иосиф Виссарионович «Шесть условий» строительства, и угодно было Его Единодержавию пятым условием указать: от политики разгрома старой технической интеллигенции — к политике привлечения и заботы о ней.

И заботы о ней! И куда испарился наш справедливый гнев? И куда отделились все наши грозные обвинения? Проходил тут как раз процесс вредителей в фарфоровой промышленности (и там нашкодили!) — и уже дружно все подсудимые поносили себя и во всё сознавались — и вдруг так же дружно воскликнули: невиновны!! И их освободили!

(Даже наметился в том году маленький антипоток: уже засуженных или заследованных инженеров возвращали к жизни. Так вернулся и Д.А. Рожанский. Не сказать ли, что он выдержал поединок со Сталиным? Что граждански мужественное общество не дало бы повода писать ни этой главы, ни всей этой книги?)

Давно опрокинутых навзничь меньшевиков ещё покопытил в марте 1931 Сталин в публичном процессе «Союзного Бюро меньшевиков», Громан—Суханов—Якубович (Громан — скорее кадет, Якубович почти большевик, а Гиммер—Суханов — тот самый, теоретик Февраля, на квартире которого в Петрограде на набережной Карповки 10 октября 1917 собрался большевицкий ЦК и принял решение о вооружённом восстании). И вдруг — задумался.

Беломорцы так говорят о приливе — вода *задумалась*: это перед тем, как пойти на спад. Ну, негоже сравнивать мутную душу Сталина с водою Белого моря. Да может быть он несколько и не задумался. Да и спада никакого не было. Но ещё одно чудо в том году произошло. Вслед за процессом Промышленной Партии готовился в 1931 году грандиозный процесс Трудовой Крестьянской Партии — якобы (никогда не!) существовавшей огромной подпольной организованной силы из сельской интеллигенции, из деятелей потребительской и сельскохозяйственной кооперации и развитой верхушки крестьянства, готовившей свержение диктатуры пролетариата. На процессе Промпартии эту ТКП уже поминали как прихваченную, как хорошо известную. Следственный аппарат ГПУ работал безотказно: уже *тысячи* обвиняемых полностью *сознались* в принадлежности к ТКП и в своих преступных целях. А всего было обещано «членов» — *двести тысяч*. «Во главе» партии значились экономист-аграрник Александр Васильевич Чайнов; будущий «премьер-министр» Н.Д. Кондратьев; Л.Н. Юровский; Макаров; Алексей Дояренко, профессор из Тимирязевки, — будущий «министр сельского хозяйства».

А может быть, и получше бы тех, кто эту должность потом сорок лет занимал. И вот человеческий жребий! Дояренко был принципиально всегда вне политики! Когда дочь его приводила в дом студентов, высказывающих как бы эсеровские мысли, — он их из дому выгонял.

И вдруг в одну прекрасную ночь Сталин передумал — почему, мы этого, может быть, никогда не узнаем. Захотел он душевню отмаливать? — так рано. Пробыло чувство юмора, что уж больно однообразно, оскомина? — так никто не посмеет попрекнуть, что у Сталина было чувство юмора. А вот что скорей: прикинул он, что скоро вся деревня и так будет от голода вымирать, и не двести тысяч, так нечего и трудиться. И вот была отменена вся ТКП, всем «сознавшимся» предложили отказаться от сделанных признаний (можно себе вообразить их радость!) и вместо этого засудили внесудебным порядком, через коллегия ОГПУ, небольшую группу Кондратьева—Чаянова*. (А в 1941 году измененного Вавилова обвинят, что ТКП — была, и он-то, Вавилов, тайно её и возглавлял.)

Теснятся абзацы, теснятся года — и никак нам не выговорить всего по порядку, что было (а ГПУ отлично справлялось! а ГПУ ничего не упускало!). Но будем всё время помнить:

— что верующих сажают непрерывно, само собою. (Тут выплывают какие-то даты и пики. То «ночь борьбы с религией» в рождественский сочельник 1929 в Ленинграде, когда посадили много религиозной интеллигенции, и не до утра, не в виде рождественской сказки. То там же в феврале 1932 закрытие многих сразу церквей и одновременно густые аресты духовенства. А ещё больше дат и мест — никем до нас не донесено);

— что не упускают громить и секты, даже сочувственные коммунизму. Так в 1929 посадили всех сплошь членов коммуны между Сочи и Хостой. Всё у них было по-коммунистически — и производство, и распределение, и всё так честно, как страна не достигнет и за сто лет, но, увы, слишком они были грамотны, начитанны в религиозной литературе, и не безбожие было их философией, а смесь баптизма, толстовства и йоговства. Стало быть, такая коммуна была преступна и не могла принести народу счастья. В 20-е же годы значительная группа толстовцев была сослана в предгорья Алтая, там они создали посёлки-коммуны совместно с баптистами. Когда началось строительство Кузнецкого комбината, они снабжали его продуктами. Затем начали арестовывать — сперва учителей (учили не по государственным программам), дети с криком бежали за машинами, затем — руководителей общин;

— что как-то же расчистили (и не всех воспитанием, а кого и свинцом) те тучи беспризорной молодёжи, какая в 20-е годы осаждала городские асфальтные котлы, а с 1930 года вся исчезла вдруг;

— что не упускаются случаи недозволенного милосердия (за собиранье в цеху денег для жены заключённого рабочего — арест);

— что Большой Пасьянс социалистов перекладывается непрерывно, само собой;

— что с 1929 сажают не сосланных вовремя за границу историков (Платонов, Тарле, Любавский, Готье, Измайлов), выдающегося литературоведа М.М. Бахтина, молодого тогда Лихачёва;

— что текут и национальности то с одной окраины, то с другой.

Сажают якутов после восстания 1928 года. Сажают бурят-монголов после восстания 1929 года. (Расстреляно, как говорят, около 35 тысяч.

* Приговорённые в 1932 к 8 годам концлагеря, Кондратьев и Юровский отбывали срок в Суздальском политизоляторе. Больной Юровский выпущен в конце 1934. Оба расстреляны в 1938. Получивший 5 лет Чаянов в 1933 выслан в Алма-Ату, где в 1937 расстрелян. — *Примеч. ред.*

Проверить нам не дано.) Сажают казахов после героического подавления их конницей Будённого в 1930—31 годах. Судят в начале 1930 Союз освобождения Украины (профессор Ефремов, Чеховский, Никовский и другие), а, зная наши пропорции объявляемого и тайного, — сколько там ещё за их спинами? сколько там негласно?..

И подходит, медленно, но подходит, очередь садиться в тюрьму членам правящей партии! Пока (1927—29) это — «рабочая оппозиция» или троцкисты, избравшие себе неудачного лидера. Их пока — сотни, скоро будут — тысячи. Но лиха беда начало. Как эти троцкисты спокойно смотрели на посадки инопартийных, так сейчас остальная партия одобрительно взирает на посадку троцкистов. Всем свой черёд. Дальше потечёт несуществующая «правая» оппозиция. Членик за члеником прожевав с хвоста, доберётся пасть и до собственной головы.

С 1928 же года приходит пора рассчитывать с буржуазными последышами — нэпманами. Чаще всего им приносят всё возрастающие и уже непосильные налоги, с какого-то раза они отказываются платить, и тут их сажают за несостоятельность и конфискуют имущество. (Мелких кустарей — парикмахеров, портных, да тех, кто чинит примусы, только лишают патента.)

В развитии нэпманского потока есть свой экономический интерес. Государству нужно имущество, нужно золото, а Колымы ещё нет никакой. С конца 1929 начинается знаменитая золотая лихорадка, только лихорадит не тех, кто золото ищет, а тех, из кого его трясут. Особенность нового «золотого» потока в том, что этих своих кроликов ГПУ, собственно, ни в чём не винит и готово не посылать их в страну ГУЛАГ, а только хочет отнять у них золото по праву сильного. Поэтому забиты тюрьмы, изнемогают следователи, а пересылки, этапы и лагеря получают непропорционально меньшее пополнение.

Кого сажают в «золотом» потоке? Всех, кто когда-то, 15 лет назад, имел «дело», торговал, зарабатывал ремеслом и мог бы, по соображениям ГПУ, сохранить золото. Но как раз у них очень часто золота и не оказывалось: держали имущество в движимости, в недвижимости, всё это сгнуло, отобрано в революцию, не осталось ничего. С большой надеждой сажаются, конечно, зубные техники, ювелиры, часовщики. О золоте в самых неожиданных руках можно узнать по доносу: стопроцентный «рабочий от станка» откуда-то взял и хранит шестьдесят николаевских золотых пятёрок; известный сибирский партизан Муравьёв приехал в Одессу и привёз с собой мешочек с золотом (награбил в Гражданскую войну); у петербургских татар-извозчиков ломовых у всех спрятано золото. Так это или не так — разобраться можно только в застенках. Уж ничем — ни пролетарской сущностью, ни революционными заслугами не может защититься тот, на кого пала тень золотого доноса. Все они арестуются, все напихиваются в камеры ГПУ в количествах, которые до сих пор не представлялись возможными, — но тем лучше, скорей *отдадут!* Доходит до конфузного, что женщины и мужчины сидят в одних камерах и друг при друге ходят на парашу — кому до этих мелочей, отдайте золото, гады! Следователи не пишут протоколов, потому что бумажка эта никому не нужна, и будет ли потом намотан срок или не будет, это мало кого интересует, важно одно: отдай золото, гад! Государству нужно золото, а тебе зачем? У следователей уже не хватает ни горла, ни сил на угро-

зы и пытки, но есть общий приём: кормить камеры одним солёным, а воды не давать. Кто золото сдаст — тот выпьет воды! Червонец за кружку чистой воды!

Люди гибнут за металл...

От потоков предшествующих, от потоков последующих этот отличается тем, что хоть не у половины, но у части этого потока своя судьба трепыхается в собственных руках. Если у тебя на самом деле золота нет — твоё положение безвыходно, тебя будут бить, жечь, пытать и выпаривать до смерти или пока уж действительно не поверят. Но если у тебя золото есть, то ты сам определяешь меру пытки, меру выдержки и свою будущую судьбу. Психологически это, впрочем, не легче, это тяжелей, потому что ошибёшься и навсегда будешь виноват перед собой. Конечно, тот, кто уже усвоил нравы сего учреждения, уступит и отдаст, это легче. Но и слишком легко отдавать нельзя: не поверят, что отдал сполна, будут ещё держать. Но и слишком поздно отдать нельзя: душеньку выпустишь или со зла влепят срок. Один из тех татар-извозчиков выдержал все пытки: золота нет! Тогда посадили и жену, и её мучили, татарин своё: золота нет! Посадили и дочь — не выдержал татарин, сдал сто тысяч рублей. Тогда семью выпустили, а ему врезали срок. — Самые аляповатые детективы и оперы о разбойниках серьёзно осуществились в объёме великого государства.

Введение паспортной системы на пороге 30-х годов тоже дало изрядное пополнение лагерям. Как Пётр I упрощал строение народа, промая все желобки и пазы между сословиями, так действовала и наша социалистическая паспортная система: она выметала именно промежуточных насекомых, она настигала хитрую, бездомную и ни к чему не приставленную часть населения. Да поперву и ошибались люди много с теми паспортами — и не прописанные, и не выписанные подгребались на Архипелаг, хоть на годок.

Так пузырились и хлестали потоки — но через всех перекатился и хлынул в 1929–30 годах многомиллионный поток *раскулаченных*. Он был непомерно велик, и не вместила б его даже развитая сеть следственных тюрем (к тому ж забитая «золотым» потоком), но он миновал её, он сразу шёл на пересылки, в этапы, в страну ГУЛАГ. Своей единовременной набухлостью этот поток (этот океан!) выпирал за пределы всего, что может позволить себе тюремно-судебная система даже огромного государства. Он не имел ничего сравнимого с собой во всей истории России. Это было народное переселение, этническая катастрофа. Но так умно были разработаны каналы ГПУ—ГУЛАГа, что города ничего б и не заметили! — если б не потрясший их трёхлетний странный голод — голод без суши и без войны.

Поток этот отличался от всех предыдущих ещё и тем, что здесь не цацкались брать сперва главу семьи, а там посмотреть, как быть с остальной семьёй. Напротив, здесь сразу выжигали только гнёздами, брали только семьями и даже ревниво следили, чтобы никто из детей четырнадцати, десяти или шести лет не отбил бы в сторону: все наподскрёб должны были идти в одно место, на одно общее уничтожение. (Это был п е р в ы й такой опыт, во всяком случае в Новой истории. Его потом повторит Гитлер с евреями и опять же Сталин с неверными или подозреваемыми нациями.)

Поток этот ничтожно мало содержал в себе тех «кулаков», по которым назван был для отвода глаз. «Кулаком» называется по-русски прижимистый бесчестный сельский переторговщик, который богатеет не своим трудом, а чужим, через ростовщичество и посредничество в торговле. Таких в каждой местности и до революции-то были единицы, а революция вовсе лишила их почвы для деятельности. Затем, уже после 17-го года, по переносу значения «кулаками» стали называть (в официальной и агитационной литературе, отсюда вошло и в устный обиход) тех, кто вообще использует труд наёмных рабочих, хотя бы по временным недостаткам своей семьи. Но не упустим из виду, что после революции за всякий такой труд невозможно было не уплатить густо — на страже батраков стояли комбед и сельсовет, попробовал бы кто-нибудь обидеть батрака! Справедливый же наём труда допускается в нашей стране и сейчас.

Но раздувание хлёсткого термина «кулак» шло неудержимо, и к 1930 году так звали уже вообще всех крепких крестьян — крепких в хозяйстве, крепких в труде и даже просто в своих убеждениях. Кличку «кулак» использовали для того, чтобы размохотить в крестьянстве *крепость*. Вспомним, очнёмся: лишь двенадцать лет прошло с великого Декрета о Земле — того самого, без которого крестьянство не пошло бы за большевиками и Октябрьская революция бы не победила. Земля была роздана по едокам, *равно*. Всего лишь девять лет, как мужики вернулись из Красной армии и накупились на свою завоёванную землю. И вдруг — кулаки, бедняки. Откуда это? Иногда — от неравенства инвентаря, иногда — от счастливого или несчастливого состава семьи. Но не больше ли всего — от трудолюбия и упорства? И вот теперь-то этих мужиков, чей хлеб Россия и ела в 1928 году, бросились искоренять свои местные неудачники и приезжие городские люди. Как озверев, потеряв всякое представление о «человечестве», потеряв людские понятия, набранные за тысячелетия, — лучших хлеборобов стали схватывать вместе с семьями и безо всякого имущества, голыми, выбрасывать в северное безлюдье, в тундру и в тайгу.

Такое массовое движение не могло не осложниться. Надо было освободить деревню также и от тех крестьян, кто просто проявлял неохоту идти в колхоз, несклонность к коллективной жизни, которой они не видели в глаза и о которой подозревали (мы теперь знаем, как основательно), что это будет руководство бездельников, принудиловка и голодаловка. Нужно было освободиться и от тех крестьян (иногда совсем небогатых), кто за свою удаль, физическую силу, решимость, звонкость на сходках, любовь к справедливости были любимы односельчанами, а по своей независимости — опасны для колхозного руководства. (Этот крестьянский тип и судьба его бессмертно представлены Степаном Чаусовым в повести С. Залыгина.) И ещё в каждой деревне были такие, кто *лично* стал поперёк дороги здешним *активистам*. По ревности, по зависти, по обиде был теперь самый удобный случай с ними рассчитаться. Для всех этих жертв требовалось новое слово — и оно родилось. В нём уже не было ничего «социального», экономического, но оно звучало великолепно: *подкулачник*. То есть я считаю, что ты — пособник врага. И хватит того! Самого оборванного батрака вполне можно зачислить в подкулач-

ники! (Хорошо помню, что в юности нам это слово казалось вполне логичным, ничего неясного.)

Так охвачены были двумя словами все те, кто составлял суть деревни, её энергию, её смекалку и трудолюбие, её сопротивление и совесть. Их вывезли — и коллективизация была проведена.

Но и из деревни коллективизированной полились новые потоки:

— поток *вредителей* сельского хозяйства. Повсюду стали раскрываться агрономы-вредители, до этого года всю жизнь работавшие честно, а теперь умышленно засоряющие русские поля сорняками (разумеется, по указаниям московского института, ныне полностью разоблачённого. Да это же и есть те самые не посаженные двести тысяч членов ТКП!). Одни агрономы не выполняют глубоководных директив Лысенко (в таком потоке в 1931 отправлен в Казахстан «король» картофеля Лорх). Другие выполняют их слишком точно и тем обнажают их глупость. (В 1934 псковские агрономы посеяли лён по снегу — точно как велел Лысенко. Семена набухли, заплесневели и погибли. Обширные поля пропустовали год. Лысенко не мог сказать, что снег — кулак или что сам дурак. Он обвинил, что агрономы — кулаки и извратили его технологию. И потянулись агрономы в Сибирь.) А ещё почти во всех МТС обнаружено вредительство в ремонте тракторов (вот чем объяснялись неудачи первых колхозных лет!);

— поток «за потери урожая» (а «потери» сравнительно с произвольной цифрой, выставленной весной «комиссией по определению урожая»);

— «за невыполнение государственных обязательств по хлебосдаче» (райком обязался, а колхоз не выполнил — садись!);

— поток *стригущих колоски*. Ночная ручная стрижка колосков в поле! — совершенно новый вид сельского занятия и новый вид уборки урожая! Это был немалый поток, это были многие десятки тысяч крестьян, часто даже не взрослые мужики и бабы, а парни и девки, мальчишки и девчёнки, которых старшие посылали ночами *стричь*, потому что не надеялись получить из колхоза за свою дневную работу. За это горькое и мало-прибыльное занятие (в крепостное время крестьяне не доходили до такой нужды!) суды отвечивали сполна: 10 лет как за опаснейшее хищение социалистической собственности по знаменитому закону от 7 августа 1932 года (в арестантском просторечии *закон семь восьмых*).

Этот «закон от седьмого-восьмого» дал ещё отдельный большой поток со строек первой и второй пятилетки, с транспорта, из торговли, с заводов. Крупными хищениями велено было заниматься НКВД. Этот поток следует иметь в виду дальше как постоянно текущий, особенно обильный в военные годы — и так пятнадцать лет (до 1947, когда он будет расширен и осуровлен).

Но наконец-то мы можем и передохнуть! Наконец-то сейчас и прекратятся все массовые потоки! — товарищ Молотов сказал 17 мая 1933: «Мы видим нашу задачу не в массовых репрессиях». Фу-у-уф, да и пора бы. Прочь ночные страхи! Но что за лай собак? Ату! Ату!

Во-ка! Это начался *Кировский* поток из Ленинграда, где напряжённость признана настолько великой, что штабы НКВД созданы при каждом райисполкоме города, а судопроизводство введено «ускоренное» (оно и раньше не поражало медлительностью) и без права обжалования (оно и раньше не обжаловалось). Считается, что четверть Ленинграда

была *расчищена* в 1934—35. Эту оценку пусть опровергнет тот, кто владеет точной цифрой и даст её. (Впрочем, поток этот был не только ленинградский, он достаточно отзывался по всей стране в форме привычной, хотя и бессвязной: в увольнении из аппарата всё ещё застрявших где-то там детей священников, бывших дворянок да имеющих родственников за границей.)

В таких захлёстывающих потоках всегда терялись скромные неизменные ручейки, которые не заявляли о себе громко, но лились и лились:

- то шущбундовцы, проигравшие классовые бои в Вене и приехавшие спастись в отечество мирового пролетариата;

- то эсперантисты (эту вредную публику Сталин выжигал в те же годы, что и Гитлер);

- то недобитые осколки Вольного Философского Общества, нелегальные философские кружки;

- то учителя, несогласные с передовым бригадно-лабораторным методом обучения (в 1933 Наталья Ивановна Бугаенко посажена в Ростовское ГПУ, но на третьем месяце следствия узналось из правительственного постановления, что тот метод — порочен. И её освободили.);

- то сотрудники Политического Красного Креста, который стараниями Екатерины Пешковой всё ещё отстаивал своё существование;

- то горцы Северного Кавказа за восстание (1935); национальности текут и текут. (На Волгоканале национальные газеты выходят на четырёх языках — татарском, тюркском, узбекском и казахском. Так есть кому их читать!);

- и опять — верующие, теперь не желающие идти на работу по воскресеньям (вводили пятидневку, шестидневку); колхозники, саботирующие в церковные праздники, как привыкли в индивидуальную эру;

- и всегда — отказавшиеся стать осведомителями НКВД. (Тут попадали и священники, хранившие тайну исповеди, — Органы быстро сообразили, как им полезно знать содержание исповедей, единственная польза от религии.);

- а сектантов берут всё шире;

- а Большой Пасьянс социалистов всё перекладывается.

И наконец, ещё ни разу не названный, но всё время текущий поток *Десятого Пункта*, он же КРА (КонтрРеволюционная Агитация), он же АСА (АнтиСоветская Агитация). Поток Десятого Пункта — пожалуй самый устойчивый из всех — не пресекался вообще никогда, а во времена других великих потоков, как 37-го, 45-го или 49-го годов, набухал особенно полноводно.

Уж этот-то безотказный поток подхватывал кого угодно и в любую назначенную минуту. Но для видных интеллигентов в 30-е годы иногда считали более изящным подстрепать какую-нибудь постыдную статейку (вроде мужеложства; или будто бы профессор Плетнёв, оставаясь с пациенткой наедине, кушал ей грудь. Пишет центральная газета — пойдя опровергни!).

* * *

Парадоксально: всей многолетней деятельности всепроникающих и вечно бодрствующих Органов дала силу всего-навсего *одна* статья из ста сорока восьми статей необщего раздела Уголовного кодекса 1926 года. Но в похвалу этой статье можно найти ещё больше эпитетов, чем ког-

да-то Тургенев подобрал для русского языка или Некрасов для Матушки-Руси: великая, могучая, обильная, разветвлённая, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая, исчерпывающая мир не так даже в формулировках своих пунктов, сколько в их диалектическом и широчайшем истолковании.

Кто из нас не издедал на себе её всеохватывающих объятий? Воистину, нет такого поступка, помысла, действия или бездействия под небесами, которые не могли бы быть покараны тяжёлой дланью Пятьдесят Восьмой статьи.

Сформулировать её так широко было невозможно, но оказалось возможно так широко её истолковать.

58-я статья не составила в Кодексе главы о политических преступлениях, и нигде не написано, что она «политическая». Нет, вместе с преступлениями против порядка управления и бандитизмом она сведена в главу «преступлений государственных». Так Уголовный кодекс открывается с того, что отказывается признать кого-либо на своей территории преступником политическим — а только уголовным.

58-я статья состояла из четырнадцати пунктов.

Из *Первого* пункта мы узнаём, что контрреволюционным признаётся всякое действие (по ст. 6-й УК — и бездействие), направленное... на ослабление власти...

При широком истолковании оказалось: отказ в лагере пойти на работу, когда ты голоден и изнеможён, — есть ослабление власти. И влечёт за собой — расстрел. (Расстрелы *отказчиков* во время войны.)

С 1934 года, когда нам возвращён был термин *Родина*, были и сюда вставлены подпункты *измены Родине* — 1-а, 1-б, 1-в, 1-г. По этим пунктам действия, совершённые в ущерб военной мощи СССР, караются расстрелом (1-б) и лишь в смягчающих обстоятельствах и только для гражданских лиц (1-а) — десятью годами.

Широко читая: когда нашим солдатам за сдачу в плен (ущерб военной мощи!) давалось всего лишь 10 лет, это было гуманно до противозаконности. Согласно сталинскому Кодексу они по мере возврата на родину должны были быть все расстреливаемы.

(Или вот ещё образец широкого чтения. Хорошо помню одну встречу в Бутырках летом 1946. Некий поляк родился в Лемберге, когда тот был в составе Австро-Венгерской империи. До Второй Мировой войны жил в своём родном городе в Польше, потом переехал в Австрию, там служил, там в 1945 и арестован нашими. Он получил десятку по статье 54-1-а украинского Кодекса, то есть за измену своей родине — Украине! — так как ведь город Лемберг стал к тому времени украинским Львовом! И бедняга не мог доказать на следствии, что уехал в Вену не с целью изменить Украине! Так он иссобачился стать предателем.)

Ещё важным расширением пункта об измене было применение его «через статью 19-ю УК» — «через намерение». То есть никакой измены не было, но следователь усматривал *намерение* изменить — и этого было достаточно, чтобы дать полный срок, как и за фактическую измену. Правда, статья 19-я предлагает карать не за намерение, а за *подготовку*, но при диалектическом чтении можно и намерение понять как подготовку. А «приготовление наказуемо так же (то есть равным наказанием), как и само преступление» (УК). В общем, мы не

отличаем намерения от самого преступления и в этом *превосходство* советского законодательства перед буржуазным!*

Необъятную широту прочтения любой статьи ещё давала статья 16 УК — «по аналогии». Когда прямо ни к одной статье поступок не подошел, судья мог квалифицировать его «по аналогии».

Пункт *Второй* говорит о вооружённом восстании, захвате власти в центре и на местах и, в частности, для того, чтобы насильственно отторгнуть какую-либо часть Союза Республик. За это — вплоть до расстрела (как и в *каждом* следующем пункте.)

Расширительно (как нельзя было бы написать в статье, но как подсказывает революционное правосознание): сюда относится всякая попытка осуществить право любой республики на выход из Союза. Ведь «насильственно» — не сказано, по отношению *к кому*. Даже если всё население республики захотело бы отделиться, а власти этого бы не хотели, отделение уже будет *насильственным*. Итак, все эстонские, латышские, литовские, украинские и туркестанские националисты легко получали по этому пункту свои десять и двадцать пять.

Третий пункт — «способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с СССР в состоянии войны».

Этот пункт давал возможность осудить любого гражданина, бывшего под оккупацией, прибил ли он каблук немецкому военнослужащему, продал ли пучок редиски; или гражданку, повысившую боевой дух оккупанта тем, что танцевала с ним и провела ночь. Не всякий был осуждён по этому пункту (из-за обилия оккупированных), но мог быть осуждён всякий.

Четвёртый пункт говорил о (фантастической) помощи, оказываемой международной буржуазии.

Казалось бы: кто может сюда относиться? Но, широко читая с помощью революционной совести, легко нашли разряд: все эмигранты, покинувшие страну до 1920 года, то есть за несколько лет до написания самого этого Кодекса, и настигнутые нашими войсками в Европе через четверть столетия (1944–45), получали 58-4: десять лет или расстрел. Ибо что ж делали они за границей, как не способствовали мировой буржуазии? (На примере музыкального общества мы уже видели, что способствовать можно было и изнутри СССР.) Ей же способствовали все эсеры, все меньшевики (для них и статья задумана), а потом инженеры Госплана и ВСНХ.

Пятый пункт: склонение иностранного государства к объявлению войны СССР.

Упущенный случай: распространить этот пункт на Сталина и его дипломатическое и военное окружение в 1940–41 годах. Их слепота и безумие к тому и вели. Кто ж, как не они, ввергли Россию в позорные невиданные поражения, несравнимые с поражениями царской России в 1904 или в 1915 году? поражения, каких Россия не знала с XIII века?

* От тюрем к воспитательным учреждениям / Сб. ст. под общ. ред. А.Я. Вышинского; Институт Уголовной и Исправительно-трудовой Политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР. М.: Советское Законодательство, 1934, с. 36.

Шестой пункт — шпионаж,

был прочтён настолько широко, что если бы подсчитать всех осуждённых по нему, то можно было бы заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок. Шпионаж — это было нечто очень удобное по своей простоте, понятное и неразвитому преступнику, и учёному юристу, и газетчику, и общественному мнению*.

Широта прочтения ещё была здесь в том, что осуждали не прямо за шпионаж, а за

ПШ — Подозрение в Шпионаже;

НШ — Недоказанный Шпионаж, и за него всю катушку! И даже за СВПШ — Связи, Ведущие к Подозрению (!) в Шпионаже.

То есть, например, знакомая знакомой вашей жены шила платье у той же портнихи (конечно, сотрудницы НКВД), что и жена иностранного дипломата.

И эти 58-6, ПШ и СВПШ были прилипчивые пункты, они требовали строгого содержания, неусыпного наблюдения (ведь разведка может протянуть щупальцы к своему любимцу и в лагерь) и запрещали расконвоирование. Вообще всякие *литерные статьи*, то есть не статьи вовсе, а вот эти пугающие сочетания больших букв (мы в этой главе ещё встретим другие) постоянно носили на себе налёт загадочности, всегда было непонятно, отrostки ли они 58-й статьи или что-то самостоятельное и очень опасное. Заключённые с литерными статьями во многих лагерях были притеснены даже по сравнению с 58-й.

Седьмой пункт: подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кооперации.

В 30-е годы этот пункт сильно пошёл в ход и захватил массы под упрощённой и всем понятной кличкой «вредительство». Действительно, всё перечисленное в пункте Седьмом с каждым днём наглядно и явно подрывалось — и должны же были быть тому виновники?.. Столетиями народ строил, создавал, и всегда честно, даже на бар. Ни о каком *вредительстве* не слыхано было от самых Рюриков. И вот когда впервые достойно стало народным, — сотни тысяч лучших сынов народа необъяснимо кинулись вредить. (Вредительство в сельском хозяйстве пунктом не предусматривалось, но так как без него нельзя было разумно объяснить, почему поля зарастают сорняками, урожай падают, машины ломаются, то диалектическое чутьё ввело и его.)

Восьмой пункт — террор (не тот террор, который «обосновать и узаконить» должен был советский Уголовный кодекс**).

Террор понимался очень и очень расширительно: не то считалось террором, чтобы подкладывать бомбы под кареты губернаторов, но, например, набить морду своему личному врагу, если он был партий-

* А пожалуй, шпиономания не была только узколюбим пристрастием Сталина. Она сразу пришлась удобной всем, вступающим в привилегии. Она стала естественным оправданием уже назревшей всеобщей секретности, запрета информации, закрытых дверей, системы пропусков, огороженных дач и тайных распределителей. Через броневую защиту шпиономании народ не мог проникнуть и посмотреть, как бюрократия сговаривается, бездельничает, ошибается, как она ест и как развлекается.

** *В.И. Ленин*. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 190.

ным, комсомольским или милицейским активистом, уже значило террор. Тем более убийство активиста никогда не приравнивалось к убийству рядового человека (как это было, впрочем, ещё в кодексе Хаммурапи в XVIII столетии до нашей эры). Если муж убил любовника жены и тот оказался беспартийным — это было счастье мужа, он получал 136-ю статью, был бытовик, социально-близкий и мог быть бесконвойным. Если же любовник оказывался партийным — муж становился врагом народа с 58-8.

Ещё более важное расширение понятия достигалось применением Восьмого пункта через ту же статью 19-ю, то есть через *подготовку* в смысле намерения. Не только прямая угроза около пивной «ну, погоди!», обращённая к активисту, но и замечание запальчивой базарной бабы «ах, чтоб ему повылазило!» квалифицировалось как ТН — Террористические Намерения — и давало основание на применение всей строгости статьи. (Это звучит перебором, фарсом — но не мы сочиняли этот фарс, мы с этими людьми — сидели.)

Девятый пункт — разрушение или повреждение... взрывом или поджогом (и непременно с контрреволюционной целью), сокращённо именуемое как *диверсия*.

Расширение было в том, что контрреволюционная цель приписывалась (следователь лучше знал, что делалось в сознании преступника!), а всякая человеческая оплошность, ошибка, неудача в работе, в производстве — не прощались, рассматривались как диверсия.

Но никакой пункт 58-й статьи не толковался так расширительно и с таким горением революционной совести, как *Десятый*. Звучание его было: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти... а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». И оговаривал этот пункт в *мирное* время только *нижний* предел наказания (не ниже! не слишком мягко!), верхний же не о г р а н и ч и в а л с я!

Таково было бесстрашие великой Державы перед с л о в о м подданного.

Знаменитые расширения этого знаменитого пункта были:

— под «агитацией, содержащей призыв» могла пониматься дружеская (или даже супружеская) беседа с глазу на глаз или частное письмо; а «призывом» мог быть личный совет. (Мы заключаем «могла, мог быть» из того, что *так оно и бывало*.)

— «подрывом и ослаблением» власти была всякая мысль, не выпадающая или не поднимающаяся по накалу до мыслей сегодняшней газеты. Ведь ослабляет всё то, что не усиляет! Ведь подрывает всё то, что не полностью совпадает!

И тот, кто сегодня поёт не с нами, —

Тот

против

нас!

(Маяковский)

— под «изготовлением литературы» понималось всякое написание в единственном экземпляре письма, записи, интимного дневника.

Расширенный так счастливо — какую мысль, задуманную, произнесенную или записанную, не охватывал Десятый Пункт?

Пункт *Одиннадцатый* был особого рода: он не имел самостоятельного содержания, а был отягощающим довеском к любому из предыдущих, если деяние готовилось организационно или преступники вступали в организацию.

На самом деле пункт расширялся так, что никакой организации не требовалось. Это изящное применение пункта я испытал на себе. Нас было *двое*, тайно обменивавшихся мыслями, — *то есть* зачатки организации, *то есть* организация! (Впрочем, второй из нас этого довеска не получил.)

Пункт *Двенадцатый* наиболее касался совести граждан: это был пункт о *недосесении* в любом из перечисленных деяний. И за тяжкий грех недосесения *наказание* не имело *верхней границы*!!

Этот пункт уже был столь всеохватным расширением, что дальнейшего расширения не требовал. *Знал и не сказал* — всё равно что сделал сам!

Пункт *Тринадцатый*, по видимости давно исчерпанный, был: служба в царской охранке. (Аналогичная более поздняя служба, напротив, считалась патриотической доблестью.)

Есть психологические основания подозревать И. Сталина в подсудности также и по этому пункту 58-й статьи. Далеко не все документы относительно этого рода службы пережили февраль 1917 и стали широко известны. Поспешный поджог полицейских архивов в первые дни Февральской революции похож на дружный порыв некоторых заинтересованных революционеров. В самом деле, зачем бы в момент победы сжигать архивы неприятеля, столь интересные?

Пункт *Четырнадцатый* карал «сознательное неисполнение определённых обязанностей или умышленно небрежное их исполнение» — карал, разумеется, вплоть до расстрела. Кратко это называлось «саботаж» или «экономическая контрреволюция»,

а отделить умышленное от неумышленного мог только следователь, опираясь на своё революционное правосознание. Этот пункт применялся к крестьянам, не сдающим поставок. Этот пункт применялся к колхозникам, не набравшим нужного числа трудодней. К лагерникам, не вырабатывающим норму. И рикошетом стали после войны давать этот пункт блатарям за побег из лагеря, то есть расширительно усматривая в побеге блатного не порыв к сладкой воле, а подрыв системы лагерей.

Такова была последняя из костяшек веера 58-й статьи — веера, покрывшего собой всё человеческое существование.

Сделав этот обзор великой Статьи, мы дальше уже будем меньше удивляться. Где закон — там и преступление.

* * *

Булатная сталь 58-й статьи, опробованная в 1927, сразу после отковки, омоченная во всех потоках следующего десятилетия, — с полным свистом и размахом была применена в атаке Закона на Народ в 1937–38 годах.

Надо сказать, что операция 1937 года не была стихийной, а планировалась, что в первой половине этого года во многих тюрьмах Союза произошло переоборудование — из камер выносились койки, строились сплошные нары, одноэтажные, двухэтажные. (Как не случайно и Большой Дом в Ленинграде был закончен к 1934 году, как раз к убийству Кирова.) Вспоминают старые арестанты, что будто бы и первый удар был массированным, чуть ли не в какую-то августовскую ночь по всей стране (но, зная нашу неповоротливость, я не очень этому верю). А осенью, когда к двадцатилетию Октября ожидалась с верою всеобщая великая амнистия, шутник Сталин добавил в Уголовный кодекс невиданные новые сроки — 15, 20 и 25 лет.

Нет нужды повторять здесь о 37-м годе то, что уже широко написано и ещё будет многократно повторено: что был нанесен крушащий удар по верхам партии, советского управления, военного командования и верхам самого ГПУ—НКВД. Вряд ли в какой области сохранился первый секретарь обкома или председатель облисполкома — Сталин подбирал себе более удобных.

Теперь, видя китайскую культурную революцию (тоже на 17-м году после окончательной победы), мы можем с большой вероятностью заподозрить тут историческую закономерность. И даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исторической силой.

Ольга Чавчавадзе рассказывает, как было в Тбилиси: в 38-м году арестовали председателя горисполкома, его заместителя, всех (одиннадцать) начальников отделов, их помощников, всех главных бухгалтеров, всех главных экономистов. Назначили новых. Прошло два месяца. И вот опять сажают: председателя, заместителя, всех (одиннадцать) начальников отделов, всех главных бухгалтеров, всех главных экономистов. На свободе остались: рядовые бухгалтеры, машинистки, уборщицы, курьеры...

В посадке же рядовых членов партии был, видимо, секретный, нигде прямо в протоколах и приговорах не названный мотив: преимущественно арестовывать членов партии со стажем *до* 1924 года. Это особенно решительно проводилось в Ленинграде, потому что именно все те подписывали «платформу» Новой оппозиции. (А как бы они могли не подписывать? как бы могли «не доверять» своему Ленинградскому губкому?)

И вот как бывало, картинка тех лет. Идёт (в Московской области) районная партийная конференция. Её ведёт новый секретарь райкома вместо недавно посаженного. В конце конференции принимается обращение преданности товарищу Сталину. Разумеется, все встают (как и по ходу конференции все вскакивали при каждом упоминании его имени). В маленьком зале хлещут «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Три минуты, четыре минуты, пять минут они всё ещё бурные и всё ещё переходящие в овацию. Но уже болят ладони. Но уже затекли поднятые руки. Но уже задыхаются пожилые люди. Но уже это становится нестерпимо глупо даже для тех, кто искренно обожает Сталина. Однако: кто же *первый* осмелится прекратить? Это мог бы сделать секретарь райкома, стоящий на трибуне и только что зачитавший это самое обращение. Но он — недавний, он — вместо посаженного, он сам боится! Ведь здесь, в зале, стоят и аплодируют энкаведисты, они-то следят, *кто* покинет первый!.. И аплодисменты в безвестном маленьком зале, безвестно для вождя продолжаются 6 минут! 7 минут! 8 минут!.. Они погибли! Они

пропали! Они уже не могут остановиться, пока не падут с разорвавшимся сердцем! Ещё в глуби зала, в тесноте, можно хоть чуть сжальничать, бить реже, не так сильно, не так яростно, — но в президиуме, на виду?! Директор местной бумажной фабрики, независимый сильный человек, стоит в президиуме и, понимая всю ложность, всю безвыходность положения, аплодирует! — 9-ю минуту! 10-ю! Он смотрит с тоской на секретаря райкома, но тот не смеет бросить. Безумие! Повальное! Озираясь друг на друга со слабой надеждой, но изображая на лицах восторг, руководители района будут аплодировать, пока не упадут, пока их не станут выносить на носилках! и даже тогда оставшиеся не дрогнут!.. И директор бумажной фабрики на 11-й минуте принимает деловой вид и опускается на своё место в президиуме. И — о, чудо! — куда делся всеобщий несдержанный неопиcуемый энтузиазм? Все разом на том же хлопке прекращают и тоже садятся. Они спасены! Белка догадалась выскочить из колеса!..

Однако вот так-то и узнают независимых людей. Вот так-то их и изымают. В ту же ночь директор фабрики арестован. Ему легко мотают совсем по другому поводу десять лет. Но после подписания 206-й (заключительного следственного протокола) следователь напоминает ему:

— И никогда не бросайте аплодировать первый!

(А как же быть? А как же нам остановиться?..)

Вот это и есть отбор по Дарвину. Вот это и есть изматывание глупостью.

Но сегодня создаётся новый миф. Всякий печатный рассказ, всякое печатное упоминание о 37-м годе — это непременно рассказ о трагедии коммунистов-руководителей. И вот уже нас уверили, и мы невольно поддаёмся, что 37–38-й тюремный год состоял в посадке именно крупных коммунистов — и как будто больше никого. Но от миллионов, взятых тогда, никак не могли составить видные партийные и государственные чины более 10 процентов. Даже в ленинградских тюремных очередях с передачами больше всего стояло женщин простых, вроде молочниц.

Из косвенных данных статистики не миновать вывода, а показанием свидетелей подтверждается: что невымершие спецпосёлки «раскулаченных» были в 1937 году переведены на Архипелаг: либо переселены в лагерь, либо на месте оцеплены лагерной зоной. Так великий поток 1929 года влился в поток 1937, ещё миллионно увеличив его.

Состав захваченных в 1937–38 и отнесенных полумёртвыми на Архипелаг так пёстр, причудлив, что долго бы ломал голову, кто захотел бы научно выделить закономерности. (Тем более современникам они не были понятны.)

А истинный посадочный закон тех лет был — заданность цифры, разнарядки, развёрстки. Каждый город, район, каждая воинская часть получали контрольную цифру и должны были выполнить её в срок. Всё остальное — от сноровки оперативников.

Бывший чекист Александр Калганов вспоминает, как в Ташкент пришла телеграмма: «Шлите двести». А они только что выгребли и как будто «некого» брать. Ну, правда, подвезли из районов с полсотни. Идея! Взятых милицией бытовиков — переквалифицировать в 58-ю! Сказано — сделано. Но контрольной цифры всё равно нет. Доносит милиция: что делать? на одной из городских площадей цыгане нахально разбили табор. Идея! Окружили — и всех мужчин от семнадцати до шестидесяти загребли как Пятьдесят Восьмую! И — выполнили план!

А бывало и так: чекистам Осетии (рассказывает начальник милиции Заболовский) дана была развёрстка расстрелять по республике 500 человек, они просили добавить, им разрешили ещё 250.

Эти телеграммы, слегка зашифрованные, передавались обычной связью. В Темрюке телеграфистка в святой простоте передала на коммутатор НКВД: чтобы завтра отправили в Краснодар 240 ящиков мыла. Наутро она узнала о больших арестах и отправке — и догадалась! и сказала подруге, какая была телеграмма. Тут же её и посадили.

(Совсем ли случайно зашифровали человека как *ящик мыла*? Или — зная мыловарение?..)

Конечно, какие-то частные закономерности осмыслить можно. Садятся:

— наши за границей истинные шпионы. (Это часто — искреннейшие коминтерновцы или чекисты, много — привлекательных женщин. Их вызывают на родину, на границе арестовывают, затем дают очную ставку с их бывшим начальником из Коминтерна, например Мировым-Короной. Тот подтверждает, что сам работал на какую-нибудь из разведок — и, значит, его подчинённые — автоматически, и тем вреднее, чем честнее.);

— ка-вэ-же-динцы. (Все поголовно советские служащие КВЖД оказываются сплошь, включая жён, детей и бабушек, японскими шпионами. Но надо признать, что их брали уже и несколькими годами раньше);

— корейцы с Дальнего Востока (ссылка в Казахстан), первый опыт взятия по крови;

— ленинградские эстонцы (все берутся по одной лишь фамилии как белоэстонские шпионы);

— все латышские стрелки и латыши-чекисты — да, латыши, акушеры Революции, составлявшие совсем недавно костяк и гордость ЧК! И даже те коммунисты буржуазной Латвии, которых выменяли в 1921, освободив их от ужасных латвийских сроков в два и в три года. (Закрываются в Ленинграде: латышское отделение института Герцена; дом культуры латышей; эстонский клуб; латышский техникум; латышская и эстонская газеты.)

Под общий шум заканчивается и перекладка Большого Пасьянса, гробут ещё недозятых. Уже незачем скрываться, уже пора эту игру обрывать. Теперь социалистов забирают в тюрьму целыми ссылками (например, Уфа, Саратов), судят всех вместе, гонят на бойни Архипелага — стадами.

В прошлых потоках не забывали интеллигенцию, не забывают её и теперь. Достаточно студенческого доноса (сочетание этих слов давно не звучит странно), что их вузовский лектор цитирует всё больше Ленина и Маркса, а Сталина не цитирует — и лектор уже не приходит на очередную лекцию. А если он *вообще не цитирует*?.. Садятся все ленинградские востоковеды среднего и младшего поколения. Садится весь состав Института Севера (кроме сексотов). Не брезгают и преподавателями школ. В Свердловске создано дело тридцати преподавателей средних школ во главе с их завоблоно Перелем, одно из ужасных обвинений: устраивали в школах ёлки *для того, чтобы жечь школы!** А по лбу инженеров (уже советского поколения, уже не «буржуазных») дубина опускается с равно-

* Из них пятеро замучены на следствии, умерли до суда. Двадцать четыре умерли в лагерях. Тридцатый — Иван Аристаулович Пунич, вернулся, реабилитирован. (Умри и он, мы пропустили бы здесь всех этих тридцать, как и пропускаем миллионы.) Многочисленные «свидетели» по их делу — сейчас в Свердловске и благоденствуют: номенклатурные работники, персональные пенсионеры. Дарвиновский отбор.

мерностью маятника. У маркшейдера Николая Меркурьевича Микова из-за какого-то нарушения в пластах не сошлись два встречных забоя. 58-7, 20 лет! Шесть геологов (группа Котовича) «за намеренное сокрытие запасов олова в недрах (! — то есть за неоткрытие их!) на случай прихода немцев» (донос) — 58-7, по 10 лет.

Вдогонку главным потокам — ещё *спец*поток: жёны, Че-эСы (члены семьи). Жёны крупных партийцев, а местами (Ленинград) — и всех, кто получил «10 лет без права переписки», кого уже нет. *Чезсам*, как правило, всем по *восьмёрке*. (Всё же мягче, чем раскулаченным, и дети — на материке.)

Груды жертв! Холмы жертв! Фронтальное наступление НКВД на город: у С.П. Матвеевой в одну и ту же волну, но по разным «делам» арестовали мужа и трёх братьев (и трое из четверых никогда не вернутся);

— у техника-электрика оборвался на его участке провод высокого напряжения. 58-7, 20 лет;

— пермский рабочий Новиков обвинён в подготовке взрыва Камского моста;

— Южакова (в Перми же) арестовали днём, за женой пришли ночью. Ей предъявили список лиц и потребовали подписать, что все они собирались в их доме на меньшевицко-эсеровские собрания (разумеется, их не было). За это её обещали выпустить к оставшимся трём детям. Она подписала, погубила всех, да и сама, конечно, осталась сидеть;

— Надежда Юденич арестована за свою фамилию. Правда, через 9 месяцев установили, что она не родственница генерала, и выпустили (ну, там ерунда: за это время мать умерла от волнений);

— в Старой Руссе смотрели кинофильм «Ленин в Октябре». Кто-то обратил внимание на фразу: «Это должен знать Пальчинский!» — а Пальчинский-то защищает Зимний дворец. Позвольте, а у нас медсестра работает — Пальчинская! Взять её! И взяли. И оказалось, действительно — жена, после расстрела мужа скрывшаяся в захолустье;

— братья Борушко (Павел, Иван и Степан) приехали в 1930 из Польши ещё мальчиками к своим родным. Теперь юношами они получают ПШ (подозрение в шпионаже), 10 лет;

— водительница краснодарского трамвая поздно ночью возвращалась из депо пешком и на окраине, на свою беду, прошла мимо застрявшего грузовика, близ которого суетились. Он оказался полон трупов — руки и ноги торчали из-под брезента. Её фамилию записали, на другой день арестовали. Спросил следователь: что она видела? Она призналась честно (дарвиновский отбор). Антисоветская агитация, 10 лет;

— водопроводчик выключал в своей комнате репродуктор всякий раз, как передавались бесконечные письма Сталину. (Кто помнит их?! Часами, ежедневно, оглупляюще одинаковые! Вероятно, диктор Левитан хорошо их помнит: он их читал с раскатами, с большим чувством.) Сосед донёс (о, где теперь этот сосед?), СОЭ, социально-опасный элемент, 8 лет;

— полуграмотный печник любил в свободное время *расписываться* — это возвышало его перед самим собой. Бумаги чистой не было, он расписывался на газетах. Его газету с росчерками по лику Отца и Учителя соседи обнаружили в мешочке в коммунальной уборной. АСА, антисоветская агитация, 10 лет.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТЮРЕМНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ГЛАВА 1. АРЕСТ

Как попадают на Архипелаг. — Ощущения ареста. — «За что?» — Традиционный арест. — Как ведут обыск. — Преимущества ночных арестов. — Классификация арестов. — Наука обыска. — Изобретательность в арестах. — Неподготовленность к сопротивлению. — Побег Андрея Павла. — Механика арестных эпидемий. — «Разберутся — выпустят», всеобщее бездействие. — А как можно бы сопротивляться! — Околичности ареста. — Что в мыслях. — Облегчение от ареста. — Кричать? — Почему молчал я.

Мой арест. — Комбриг Травкин. — Армейская контрразведка. — Три танкиста. — Живой шпион. — Шутки на opravке.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ НАШЕЙ КАНАЛИЗАЦИИ

Крупнейшие потоки: раскулачивание, послевоенный и 1937. — Органы упражнялись постоянно.

Посадки сразу после Октября. — Ленинский лозунг «очистки от насекомых». — Определение «насекомых». — Уникальность ВЧК. — Народные восстания в защиту церквей. — Провинциальные «заговоры». — Система заложников. — Сущность Красного террора. — Потоки социалистов. — Поток вернувшихся на родину. — «Околокадетская» интеллигенция. — Кто сопротивлялся продотрядам. — Добывание белогвардейцев. Потопление барж. — Революционное правосознание. — Уголовные потоки само собой. — Концентрационные лагеря в Тамбовской губернии. — Кронштадтские матросы. — Усиление репрессий в 1921. — Комитет содействия голодающим. — Посадки студентов, забастовка МВТУ. — Большой Пасьянс социалистов. — ЧК и живоцерковники. — Потоки священников, религиозных философов, просто верующих. — «Монашки». — Проститутки. — Первые национальные потоки. — Студенческие. — Выматывание офицеров. — Судьба их семей. — Казаки с Лемноса. — Бывшие чиновники. — «За сокрытие соцпроисхождения». — Кому удавалось пробиться обратно. — Остатки политического Красного Креста. — Войковский набор. — *Социальная профилактика*. — Варенцов, музыкальные вечера. — Лицеисты и правоведы. — Инженеры-вредители. — «Предельщики». — Кто отказался осведом-

лять. — Первые публичные процессы. — Использовать народ как соучастника расправ. — Одинокие протесты. — «Шесть условий», поворот с инженерами. — Процесс «Союзного бюро меньшевиков». — Несостоявшийся процесс над «Трудовой Крестьянской партией». Группа Кондратьева-Чаянова. — Потоки, текущие всякое время (верующие, социалисты, национальности). — Группа историков, 1929. — «Рабочая оппозиция». — Троцкисты. — Нэпманы. — «Золотой» поток. — Поток при введении паспортной системы. — Поток раскулаченных, его особенности. — Термины «кулак» и «подкулачник». — Поток «вредителей» сельского хозяйства, за невыполнение хлебосдачи, поток «стригущих колоски». — Закон 7 августа 1932. — Кировский поток. — Потоки мелкие и всепопутные. — Десятый Пункт.

Обзор 58-й статьи УК и расширительное толкование её пунктов.

Поток 1937-38 годов. — Удар по руководящим кругам. — Бесконечные аплодисменты. — Процент чинов и рядовых. — Цифры-задания. — Частные потоки: возврат советских шпионов; ка-вэ-же-динцы; корейцы; латыши. — Конец Большого Пасьяна. — Интеллигенция. — Дело свердловских преподавателей. — Инженеры. — Че-эСы. — Обвинения непомерные и нелепые, в городе и в деревне. — Понятие «вины» — правый оппортунизм.

Антипоток 1939 года. — Потоки 1939: чехи, поляки, западные украинцы, западные белорусы, молдаване. — Пленники финской войны. — Аресты и расстрелы в начале войны в западных областях и Прибалтике. — «Распространители слухов и паники». — За радиодетали. — Поток немцев. — Поток окруженцев. — Аресты в армии на Дальнем Востоке. — Генеральский поток. — Поток небезжавших москвичей. — Поток военных от приказа № 227. — Поток с оккупированных территорий (58-1-а), бывших пленников (58-1-б). — За что их всех судили на самом деле. — «Африканцы». — Группа Каденко. — Ссылка наций 1943-44, как она происходила. — «Военные преступники» немецкие и японские. — Поток русских эмигрантов. — Власовцы. — Гражданские беженцы от советской власти. — Как Запад скрыл их выдачу. — Армия Крайова. — Бандеровцы. — «Девушки за иностранцев». — Испанские дети. — Противопоток священников.

Система потоков уголовных и бытовых. — Пульсация Указов. — Закон «четыре шестых». — Двадцатипятилетний срок. — Бытовое недоноситељство. — Повторники 1948-49. — «Дети-мстители». — Потоки 1948-50. — Разгласители государственных тайн. — Бандеровцы и жители Западной Украины. — *Социальная профилактика* в Прибалтике. — Греки с Кавказа. — Евреи, «дело врачей».

Пустых тюрем не бывало.

ГЛАВА 3. СЛЕДСТВИЕ

Кто б ожидал пыток в XX веке? — Не надо вспоминать.

Следствие — протаскивание через трубу. — Дутые «дела» первых советских лет. — Поиски несуществующих вин. — Не вина, а к какому классу принадлежит. — Оттуда не возвращаются. — Дознание? — Наган на стол. — Ночные допросы. — Жаркие камеры. — Пытки были все-

гда. — Категории арестантов, подлежащие пыткам. — Группа Ромуальдаса Скирюса. — Личное признание вместо улик, теория Вышинского. — Как внедрялась практика пыток. — Преимущества лёгких приёмов. — Психические приёмы. — Физические. — Их комбинированность. — Бессонница. — Следовательский конвейер. — Клопяной бокс. — Карцеры. — Голод. — Битьё. — Взнуздание.

Неподготовленность к следствию. — Интеллигентские просчёты. — Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, их неведомые статьи. — Как используется одиночество подследственного. — Переполнение следственных камер (1918, 1931, 1937, 1945) и его воздействие. — Некоторые пытки. — Дубинка Рюмина. — За бороду и усы. — Самое страшное. — Камерные уговоры к сдаче. — Аргументы ортодоксов. — Чего сами ортодоксы стоят. — Кто от всего отрёкся. — Бердяев в 1922. — Верующая старушка. — Как держались на следствии прежние русские революционеры. — Сравнение следствия царского и советского.

Моё следствие. — Сажа из лубяных труб.

Органы не ищут доказательств. — Как следователи растягивают следствие. — Допрос у прокурора. — Двести шестая статья. — Подписка о неразглашении.

ГЛАВА 4. ГОЛУБЫЕ КАНТЫ

Мы не видим наших следователей. — Как их объяснить? — Дивнич сравнивает Гестапо и МГБ. — Следователи формулируют свои принципы. — Их мотивы. — Упоительность власти для молодого гебиста. — Верность Органам! — Оживляющие забавы. — Не сдерживать бешенства. — Сексуальное любопытство. — Возможности наживы. — Месть прокурора. — Жадность следователей. — Разгул. — Гебисты арестованные. — Потоки самих гебистов. — Абакумов и Рюмин в тюрьме.

А кем бы стал каждый я? — Почему противились училищам НКВД. — Что делают с человеком погоны. — Мой первый этап. — Офицерский чемодан. — Гнев обоза. — Я офицер! — Линия добра и зла. — Хорошие гебисты. — Лейтенант Овсянников. — Лекция Веры Корнеевой в гебистской канцелярии. — Д.П. Терехов, верховный судья. — Выводная Большого Дома. — Не всё добро, что на добро похоже. — Цвет небес. — Ягода и иконы. — Природа злодейства. — Роль идеологии. — Порог злодейства.

Осужденье злодеев в Западной Германии и милость им у нас. — Как же России очиститься?

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ КАМЕРА — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Большой Дом в Ленинградскую блокаду. — Первая следственная камера! — Сухановка. — Сухановская следственная одиночка. — Мы, люди!

Мой вход в первую камеру. — Реле-узнаватель. — Тюрьма не пропасть. — Уютная жизнь.

Поколения предшествующие. — Быт ранней Лубянки. — Анатолий Фастенко. — Амнистия 17 октября 1905. — Побег тех лет. — Потёмкинец из Канады. — Не всё входящее в наши уши.

Инженер советской формации. — «Если погибнуть придётся».

Распорядок лубянского дня. — Рассчитано или само? — Арнольд Сузи. — Утренняя пайка. — Тюремный врач. — Наши права. — 53-я камера. — Прогулка на лубянской крыше. — Из эстонской истории. — Лубянская библиотека.

Юрий Евтухович, его история. — Термин «власовец».

Лубянский день к концу. — Дореволюционная тюремная благотворительность. — Тюремные приметы.

«Император Михаил».

Конец войны в тюрьме.

ГЛАВА 6. ТА ВЕСНА

Русские пленники, ровесники Октября. — Как они возвращались. — Что пережили. — Родина изменила им трижды. — Как мы поддаёмся предвзятому. — Откуда столько изменников? — Непризнание плена. — Выходы военнопленного. — Шпионы на час. — Наказание самым верным. — Проверочно-фильтрационные лагеря. — «Эх, если б я знал!»

Биография генерала А.А. Власова. — Добровольные противосоветские формирования первых лет войны. — Боязнь Гитлера создать русские вооружённые силы. — Агитационные поездки Власова. — Просоюзнические надежды власовцев. — Боевые эпизоды власовцев. — Всадник гонит пленника. — Судьба бригады из Локтя Брянского. — Согласие на русские дивизии осенью 1944. — Комитет Освобождения Народов России, пражский манифест. — Первые и последние действия 1-й и 2-й русских дивизий. — Непонимание Запада. — Тщетная капитуляция. — Судьба остатков. — Выдача казаков Англией. — Рувельт и Черчилль?.. — Английские концлагеря. — Общее о власовцах.

Судьбы русской эмиграции. — Как их принимала родина. — Как выворачивали Уголовный кодекс при обвинении их. — Полковник Ясевич. — Игорь Тронько, моё поколение в эмиграции.

Тюремная легенда об Алтае. — Ожидания амнистии в ту весну. — За приговорами на бутырский вокзал.

ГЛАВА 7. В МАШИННОМ ОТДЕЛЕНИИ

Как объявляли приговоры ОСО.

Административные приговоры до революции. — Тройка ГПУ. — Тройки. — Их переформировки и соотношение с ОСО. — Литерные статьи. — Преимущества ОСО перед судом. — Приговоры вдогонку.

Закрытость политических судов. — Сравнение с прежней Россией. — Обвиняющие адвокаты. — Предрешённость приговоров. — Расширительные толкования Кодекса. — Тайные инструкции. — Имеет ли смысл оправдательный приговор? — Дело Павла Чульпенёва. — Трибунальские случаи. — Я встречаюсь с Верховным Судом.

ГЛАВА 8. ЗАКОН-РЕБЁНОК

Мы всё забываем... — «Внесудебная расправа» ЧК. — Чекистские цифры расстрелянных сравнительно с прежними русскими. — Суды после Октября. — Сходство народных судов и Революционных Трибуналов. — Железнодорожные трибуналы, трибуналы ВОХРы. — Основание Революционных Военных Трибуналов и принципы их действия. — Расстрельные цифры 1920 года. — Трибуналы как боевые отряды. — Когда отпадает смысл апелляционного права. — Живые места тех лет. — Крестьянские восстания. — Рязанский Трибунал судит толстовца. — Книга речей Крыленко. — Общие задачи советского суда. — Дело «Русских Ведомостей». — Дело трёх следователей московского Ревтрибунала. — Дело Косырева. — Неприятности у ЧК в феврале 1919. — Процесс церковных деятелей (Самарин и др.). — Звенигородский набат. — Церковные процессы в провинции, удары по храмам и монастырям. — Циркуляр 1920 года о ликвидации мощей. — Большевицкая постановка вопроса об интеллигенции. — Процесс «Тактического центра». — Истинная история его. — «Таганцевское дело».

ГЛАВА 9. ЗАКОН МУЖАЕТ

Процесс Главтопа. — Оживление расправы после Гражданской войны. — Дело инженера Ольденборгера.

Голод в Поволжье и конфискация церковных ценностей. — Московский церковный процесс 1922 года. — Петроградский церковный процесс. — Процесс эсеров. — Репетиция гнева масс. — Пытка смертью. Дело Савинкова. — Смерть его.

ГЛАВА 10. ЗАКОН СОЗРЕЛ

Новая мысль Ленина: высылка интеллигенции за границу в 1922. — Рождение понятия «вредительство». — Шахтинское дело. — Срыв с Пальчинским, фон Мекком, Величко. — Процесс «Промпартии». — Есть ли загадка у московских показательных процессов? — Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и как он был инсценирован. — М.П. Якубович.

Процессы 1937-38 годов. — Загадка? — Уж такие ли они были революционеры? — Отбор кандидатов на роли. — Скрытая история последних месяцев Бухарина.

Кадыйское дело, районный процесс. — Почему не было по стране открытых судов.

ГЛАВА 11. К ВЫСШЕЙ МЕРЕ

Отмена смертной казни при Елизавете. — Умеренность её преемников. — Данные Таганцева о казнях конца XIX — начала XX века. — История смертной казни при большевиках. Фальшивость отмены её, уловки и обходы. — Казни 30-х годов, шесть царскосельских мужиков. — Расстрелы 1937-38. — Зигзаги последних сталинских лет.

Примеры, за что давали расстрел. — Группа Игнатовского. — Спасительная вспышка К.И. Страховича. — Если смотреть их фотографии... — Ощущения последних минут. — Бытовые страдания смертников в переполненных тюрьмах. — Отчего так подолгу держали под смертным приговором? — Научные занятия смертников и следователей. — Смертная камера как следовательский приём. — Психология непротивления. — В.Г. Власов под смертным приговором. — Смертные камеры Кинешемской тюрьмы. — Ритм суток. — Есаул Хоменко. —

Оскорбление палача. — Как Власов принял помилование.

ГЛАВА 12. ТЮРЗАК

Ослабление русского тюремного режима к началу XX века. — Усиление советского с 1918. — Политрежим. — Самоотстаивание арестантов в советских тюрьмах. — Эсеры в соловецких скитах (1922-1925). — Верхнеуральский изолятор с 1925.

Сила голодовок? — в царское время. — Сдерживание голодовок в 20-х годах. — Подавление в 30-х. — Насильственное питание. — Голодовка как контрреволюционное действие. — Как Тюрьма Нового Типа победила голодовки. — Нет общественного мнения!

Конец социалистов в Большом Пасьянсе. — Их самоотделение от «казров». — «Политы» глазами «казров». — Самоотделение троцкистов и коммунистов.

Для кого тюремное заключение. — Укрепление и расширение централов при советской власти. — Режим политизоляторов. — И как переживает его арестант. — Н. Козырев, чудо с астрофизикой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ГЛАВА 1. КОРАБЛИ АРХИПЕЛАГА

Налаженная система. — Как сажают в вагон-зак. — Как представить это в поезде рядом? — Происхождение термина «столыпинский вагон». — Как устроен этот вагон. — Степень наполнения. — Селёдка и без воды, почему. — Оправка в вагон-заке. — Смещение политических с уголовными.

Льготы политическим в царской тюрьме. — Первая встреча с блатными. — Ломка обычных понятий. — Разобщённость Пятьдесят Восьмой и бессилие её. — Безднаказанность блатных. Как это основывается Уголовным кодексом и марксизмом. — Участие конвоя в блатном грабеже. — Прямой конвойный грабёж, приёмы его.

Как арестанты узнают свой маршрут. — Как отправить письмо из вагон-зака.

Ничего не иметь! — Смотреть, запоминать. — История Макса Сантера. — История Ивана Коверченко. — Эрик Андерсен слушает русскую девушку.

«Маятник» в вагон-заке. — Выгрузка. — Как надо садиться на землю. — Милостыня от вольных. — Полюби такие минуты! — Взяться под руки! — Взяться за пятки! — Притравить отстающих.

Воронки 20-х годов. — Послевоенная раскраска. — Внутреннее устройство воронка. — Как управляются там блатные. — Встреча подполковника Иванова.

ГЛАВА 2. ПОРТЫ АРХИПЕЛАГА

Как составить их карту. — Общее в них. — Сравнение разных пересылок в разные годы. — Северные лагерные пересылки. — Тюрьмы без параш, и как же поступать? — Пересылочные бани. — Пересылочные придурки. — Суки. — Хитрости блатных. — Редкое сопротивление политических. — Моё унижение на Красной Пресне.

Первое письмо после ареста. — Женщина над Куйбышевской пересылкой. — Будущие памятники Архипелагу? — Широта зрения на пересылке. — Эрик Арвид Андерсен и его история. — Бессмысленности массовых перебросок. — И индивидуальных. — Пересылка как отдых. — Надрывные работы на пересылке. — Как трудно отставать от власти.

Красная Пресня в 1945. — Маршрут за взятку. — Освобождение души отказом от суеты. — Смена сроков. — «Покупатели» на пересылках. — Рынок рабынь. — Поучения спецнарядника. — Любой ценой?

ГЛАВА 3. КАРАВАНЫ НЕВОЛЬНИКОВ

Преимущество «красных эшелонов» для государства. — Подготовка товарного вагона. Подготовка эшелона. — Утаеные от жителей. — Отправки из Орла в 1938. — Техника посадки. — Приёмы обыска. — Конвой поживляется. — Блатные в красном вагоне. — Неустройства питания. — Ночные проверки с молотками. — Гибель от холода. — Долгие эшелоны и оперуполномоченный. — На платформах узкоколейки. — Приём эшелона на месте в мороз. — Когда нет никакого лагеря.

Баржевые этапы на Север. — Блатные здесь. — Случай сопротивления. — Пароходы на Колыму. — Пожар на «Джурме» в 1939. — Дальнейшие этапы по Колыме. — Грабёж на приёме в Магадане.

Пешие этапы на Севере. — Питание. — Пристрел в пути. — Подгон палками. — Пешие этапы в городах в 20-30-е годы. — Все способы — хуже, а впереди — ещё хуже.

ГЛАВА 4. С ОСТРОВА НА ОСТРОВ

Счастливый случай спецнарядника. — Спецконвой. — Как взяли меня из лагеря. — Легенда о шарашках. — Впечатления от поездки среди вольных. — Облегчительное чувство возврата на Архипелаг.

Мир тесен! — Арестантский телеграф. — Научно-техническое общество в камере. — Тимофеев-Ресовский. — Блаженство арестантского сна. — Бутырская 75-я камера, люди. — Вечерние лекции. — Восприятие пленников.

Бутырская церковь, арестантский быт в ней. — Румынский шпион Владимиреску. — Послевоенная молодёжь в Бутырках. — Гаммеров. — Ингал. — Гордость посадкой. — Песня студентов. — Новое поколение — куда?..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ

ГЛАВА 1. ПЕРСТЫ АВРОРЫ

Когда начались советские концлагеря? — Ленинские требования к карательной системе. — Во что обошлось нам послеоктябрьское внутреннее подавление. — Несколько цифр по прежней России. — Недовольство Ленина первичными размерами репрессий. — Слабость первосоветских тюрем. — Использование дореволюционного тюремного персонала. — Переворот 6 июля 1918. — Принудительный труд от Маркса до Вышинского. — Инструкция 23 июля 1918, начало Архипелага. — ВЦИК создаёт сеть лагерей принудработ, весна 1919.

Декрет о Красном Терроре 5 сентября 1918 и учреждение концентрационных лагерей. — Заключение по праву захвата. — Кого сажали в концлагеря. — Где оборудовали их. — Режим в рязанском концлагере 1921 года. — Лагерная статистика 1920 года. — Ранние лагеря принудительных работ. — Статистика 1922 года. Ведение ГУМЗАКа. — Запущенность, голод, смертность. — Состояние лагерной охраны. — Рост лагерной системы в 1923. — Переуплотнение лагерей. — Перевес закрытых мест заключения и изоляторов. — Требования к дальнейшему росту лагерей. — Административные преобразования центральных управлений.

ГЛАВА 2. АРХИПЕЛАГ ВОЗНИКАЕТ ИЗ МОРЯ

Соловецкие острова. — Основание Соловецкого монастыря и расцвет его. — Крепостное использование. — Монастырская тюрьма. — Советская легенда о пытках в ней. — Эксплуатация монастыря в раннесоветское время. — Поджог и грабёж. — Выброс монахов. — Чекисты приехали. — Первые лагеря Особого назначения.

Кемперпункт и порядки в нём. — Легендарный ротмистр Курилко. — К Соловкам по льду и на пароходе. — Соловецкий дух, зародыш Архипелага. — Карцеры и лестница Секирной горы. — Другие соловецкие расправы. — Соловецкая фантастика. — Денежные боны. — Соловецкий журнал, театр, общество краеведения. — Ни одного выстрела иначе как по заключённому. — Дневной расстрел под колокольней. — Растрельная дорога. — Офицеры перед смертью. — Рост Соловецкого лагеря. — Сдерживать ужасом! — Отборный состав узников. — Приёмы хорошего тона. — Предсмертные дни Георгия Осоргина. — Смешанный воздух Соловков, непонимание всеобщей обречённости. — Белогвардейцы в управлении Соловками. — Борьба белогвардейской Адмчасти с чекистской Информационно-Следственной. — Разоблачение стукачей. — Формула Нафталия Френкеля.

Упадок соловещьего хозяйства при чекистах. — Худая пища, цынга, тяжести и издевательства быта. — Убийства на Голгофской горе. — История Голгофско-Распятого скита. — Эпидемии 1928 и 1929 годов на Соловках. — Проступание черт будущего архипелажного быта. — Дальние рабочие командировки. — Переход Соловков к экономической системе. — Прокладка материковых трактов. — Групповые казни за невыполнение нормы. — Обстановка работы. — Начало злокачественного распространения Соловков. — Меры расчуждения вольных и зэков. — Побег с Соловков. — Книги о Соловках в Европе. — Приезд Горького на Соловки. — Эпизод в Кеми. — Осмотр лагеря. — Эпизод с мальчиком-правдолюбом. — Горьковские похвалы Соловкам. — Мотивировки его поведения? — Массовый расстрел 29 октября 1929. — Сын священника Успенский. — Вид той ямы через 45 лет. — Мор истинно-православных на Малом Заяцком острове.

Соловки бытовеют. — Воровки и проститутки. — Несовершеннолетние. — Перековка. — «Соревнование и ударничество» на Соловках. — Воровская «коммуна». — «От нас всё — нам ничего!» — Пятьдесят Восьмая вне трудколлективов. — Рассылка Пятьдесят Восьмой прочь с Соловков. — Зэки Новой Земли.

ГЛАВА 3. АРХИПЕЛАГ ДАЁТ МЕТАСТАЗЫ

Архипелаг получает экономический смысл. — Постановление Совнаркома (1928) о расширении лагерей и бесплатности принудительных работ. — Соловецкий рак расползается по Северу. — Образование главных знаменитых лагерей. — Административная организация. — Лагеря по всем областям СССР. — Кому ближние, кому дальние.

Смягчение и замирание каторжных работ в последние десятилетия России. — Осмысленный труд арестантов в то время. — Ожесточение в советское время. — Нафталий Френкель, нерв ГУЛАГа. — Его долагерная и лагерная биография. — Открытие главных принципов ГУЛАГа. — Лицо.

Советская книга о Беломорканале. — Её история. — Как проходила поездка 120 писателей. — Некоторые из авторов. — Творческая установка Горького. — Точка зрения авторов. — Повторение официальных бредней. — Прославление ведущих чекистов канала. — Горький и чекисты. — На строительстве никто не умирает. — Человеческое сырьё.

Почему Сталин назначил Беломорско-Балтийский канал. — Темпы. — Объём работ. — Ни копейки валюты. — Жертвы канала, не подготовленные к тому. — Условия работы. — Пещерная техника. — Отличие от постройки пирамид. — Изобретательность инженеров. — Давление Ягоды. — Пропаганда и соцсоревнование. — Опора на блатных против социально-чуждых. — Торжество воровства. — Хаотический быт и хаотические рыбки работы. — Тухта — орудие контрреволюции. — Штурм за штурмом. — Окончание канала. Прогулка вождей. Писателей.

Каким казался Беломор бывшим соловчанам. — А беженцам с Украины? — Скорость вымирания. — Сколько зэков на Архипелаге в начале 1933. — Вечер на канале по Витковскому. — Как на Беломоре сэкономили. — Увековечить убийц. — Моя прогулка близ Повенца. Разговор с охранником. — Непригодность и бездействие канала.

Что самое тяжёлое на каналах: изображать общественную жизнь. — Декларации воспитательной задачи. — Канал Москва—Волга. Соревнование и ударничество. — «У Волги нет выходных». — Политическое воспитание. — Насильственный труд как... внутренняя необходимость. — Техника Волгоканала. — Слёты ударников. — Однако и не перехваливать лагерь! — Материальные стимулы идейности. — Зачёты с применением классовых соображений. — Самозакрепление, когда деться некуда. — Обратная сторона соревновательной шумихи. — Нелепый случай с кузнецом Парамоновым. — Работники юстиции осуждают зачёты. — Репрессии вместо льгот. — Коллективная ответственность. — Что такое лагерная бригада на самом деле. — Трудколлектив на Волгоканале. — Чистка в трудколлективе. — Песни каналоармейцев. — Что значит «чирикать».

ГЛАВА 4. АРХИПЕЛАГ КАМЕНЕЦ

Сталин, 1933: добить остатки умирающих классов. — Вступление в социализм через максимальное укрепление лагерей. — 1937 год был публично предсказан. — Взрыв населения Архипелага. — Окончательное ужесточение лагерного режима в 1937. — Военизация охраны. — Упразднение наблюдательных комиссий. — Лагерное начальство становится независимым от хозяйственного плана. — «В консервные банки обую!» — Эпидемии. — Урки — лагерные штурмовики. — Уменьшить количество заключённых. — Колыма, полюс жестокости Архипелага. — Что способен есть ээк. — Наказания не выполнившим нормы. — Карета смерти. — Изолятор по-колымски. — Просто из пистолета. — Назначение Гаранина. — Новые ужесточения. — Гаранинские расстрелы. — Расстрелы на Серпантинке. — Набавка сроков. — Свидетели Колымы.

Как отозвалось на Архипелаге начало советско-германской войны. — «До особого распоряжения». — И сверх него. — Питание военного времени. — «Кто в войну не сидел — тот и лагеря не отведал». — Ложные оправдания лишений. — Наматывание вторых сроков. — Отправьте на фронт! — Сердечная широта. — Эксплуатация патриотизма. — Мамуловский лагерь в Ховрине. — Расправа с главным инженером. — Шаткая скудная жизнь в подмосковных лагерях.

А метастазы всё источаются. — Норильлаг. — Казахстанские лагеря. — Сибирские. — Северные. — Всеобластные. — Целыми сёлами в лагеря. — Сталинское задание Френкелю. — ГУЛЖДС. — Отраслевая перестройка ГУЛАГа. — Децентрализация управления в годы войны. — Френкель. Черты поведения. — Палачи умирают в почёте.

ГЛАВА 5. НА ЧЁМ СТОИТ АРХИПЕЛАГ

Алексеевск-Свободный. — Экономическая потребность в лагерях. — Теоретическое обоснование их, начиная от Маркса. — Не вина, а классовая причинность. Не наказание, а мера социальной защиты. — И всё же как сочетать с исправлением. — Не для всех. — Легендарность Исправительно-трудового кодекса. — Статьи о запрете мучений. — Близорукие иностранные наблюдатели. — Наказанная девушка на вахте. Огонь.

Крепостные и ээки, сравнение быта. — Не в пользу ээков. — Расшифровка ВКП(б).

Поиски трудовых стимулов при коммунизме. — Три кита под Архипелагом. — Котловка. Что это значит. — Но если кто уклоняется от всяких стимулов. — Бригады и бригадиры. — Взаимоподдержка в некоторых бригадах. — Тогда каков и бригадир. — Какой же выход у людей? — Система двух начальств. — Особенности положения каждого. — Столкновение двух планов. — Невраждебность начальств между собою. — Государственное нормирование — и тухта. — Технические ээки, создающие тухту. — Как В.Г. Власов остоялся в лагерях. — Его фокус с несрубленным лесом. — Как тухтили при комплексных бригадах. — Разрастание тухты. — Без тухты и аммонала не построили б Канала.

ГЛАВА 6. ФАШИСТОВ ПРИВЕЗЛИ!

Грузовиком по летнему Подмосковию. — Как глаза арестанта видят мир. — Пятьдесят Восьмая — «фашисты». — Зона Новоиерусалимского лагерька. — Первая встреча с лагерной жизнью. — «Кто не работает — тот не ест!» — Первый день в лагере. — Назначение по военной косточке. — Командование в армии и командование в лагере. — Расправа блатных с Акимовым. — Не умею руководить. — Мечта о деревенской жизни. — Ортодокс Матронина. — Я разжалован. — К чему приводит гордость военным мундиром. — Ингал и Кампесино. — «И снисхожденья вашего...»

Амнистированные бытовики ждут смену. — Система, не совместимая с великодушием. — Великая сталинская амнистия 7 июля 1945. — Как отнеслась она к дезертирам и к воинам. — Дело супругов Зубовых. — На амнистию — удвоением производительности. — Освобождение бытовиков из Нового Иерусалима.

Королева цеха. — Вагонетки в сушильную камеру. — «На трассе дожда не бывает». — Мечта барона Тузенбаха. — Юноши западные и восточные. — Морская глина. — Съём во тьме.

ГЛАВА 7. ТУЗЕМНЫЙ БЫТ

Примеры лагерных работ. — Приёмы лесоповала. — «Сухой расстрел». — Тяжело ли было в «Мёртвом доме»? — Норма у декабристов и у Шаламова. — Лесоповал при прожекторах. — Работа ниже 50°. — Подпродукты лагерного питания. — Котловка. — Лучше каши не доложь... — На развод бегом. — Питание на дореволюционной каторге. — А колхозники завидуют ээкам... — При хозрасчёте. — Как одевают туземцев Архипелага. — Как обувают. — Лагерные лица крупным планом. — Барак и вместо барака. — Когда жилое помещение необитаемо. — Насекомые. — Бригадный хлеб под конвоем. — Непостоянство жизни: этапы, перетасовки, обыски. — Член бригады. Неотдельность. — Начало нового лагеря зимой.

Снижение человека до животного. — Что есть Голод. — Доходяги. — Виды умираний. — Зачем вспоминать? — Доходяга-теоретик. — Доходяжество — не крестьянский путь?

Как я пишу эту книгу, чувства и обстоятельства. — Лучшие книги у нас не известны вовремя. — Соотношение опытов Шаламова и моего. — Расхождение по санчасти. — Лагерная санчасть — звено угнетения. — Врач и посадка в карцер. — Врач и несчастный случай на производстве. — Комиссовки. — Санчасть и мостырки. — Ограниченность группы «В» и пути обхода. — Убогость лагерных больничек. — А как было при Достоевском? — Санчасть и лагерное питание. — Санчасть и труд — не противопоставление. — У Ивана Денисовича нет другого выхода как трудиться. — Отдыхательный пункт и несправедливости. — Виды мостырок. — Актровка инвалидов. — Миллионные воры выкупаются. — Пятьдесят Восьмую не активируют.

Смерть как вид освобождения. — По сколько умирали. — Как обрабатывают мертвецов. — Похороны без гроба и без белья. — Кенгирское уничтоженное кладбище. — Сожжение лагерных дел.

Из песка верёвки вить. — Всё для себя. — Лагерная дружба. — Лагерная жена. — И родная на свидании. — Лагерные бабы, указницы. — Настя Гуркина и иностранные чемоданы. — Бухгалтер Шитарев. — Сроки за хлебные карточки.

ГЛАВА 8. ЖЕНЩИНА В ЛАГЕРЕ

Приметы женщин в тюрьме. — Как женщины переносят тюрьму. — Забавы. — Лагерная нечистота. — Придурки выбирают среди приехавших женщин. — Выбор лёгкий и выбор тяжкий. — «Здесь все так живут». — Как сдалась М. — Сковорода жареной картошки. — Шалашовка. — Месиво женского барака в Кривощёкове. — Венерические. — Колымский «трамвай». — Работа женщины в смешанной бригаде, в женской и на женском лагпункте. — Изневольное озорство. — Женщины-бурлаки. — Как обезображивается женщина. — Крановщица Напольная. — Если нет другой молодости, кроме лагерной. — Инstrukция судам о разводе с заключёнными. — Разлучать сожительств. — Острота лагерной любви. — Риск и расплата. — Не всем. — Когда лагерная любовь шагает через проволоку. — Разлука от рождения ребёнка. — Уничижительный уклон в эзчем языке. — Первый год ребёнка. — Детдом или дом? — Аборты выгодны для лагеря. — Проблема материнства для лагерницы. — Крестины. — Частные амнистии для матерей. — Мамка на ташкентском вокзале.

Послевоенное отделение мужчин от женщин. — Утяжеление женских работ. — Учащение беременностей. — Соединение через колючую проволоку. — Постройка разделительных стен. — Переписка между незнакомыми. — Замужество с незнакомым. — Лесбиянки. — Новые чувства к оперуполномоченному. — Общее оцепление как производственный стимул.

ГЛАВА 9. ПРИДУРКИ

Кто называется так. — Как много их. — Выживают именно придурки. — Нерезкость классификации. — Преимущества хоздвора. — Лагерная шкала специальностей. — Зонные придурки и их привилегии. — Производственные придурки. — Почему Пятьдесят Восьмую надо снимать на

общие. — И почему приходится брать её в придурки снова. — «Использовать только на общих». — «Коммунистический манифест» превзойдён.

Моральный аспект придурочьего положения. — Дискуссия о придурках и о работагах. — Павел Чульпенёв 7 лет на лесоповале. — Имеет ли право работага не ненавидеть свой труд? — Кто держит Кашееву цепь? — Та же проблема во всём нашем обществе. — Зонные придурки, подбор по бессердечию. — Типы их. — Но и придурки вынуждаемы начальством. — Не прямо брали, так косвенно пользовались. — Как возвысился? как себя вёл? Если не вреден, то был ли полезен братии? — Выживание — за чей-то счёт.

Аттестация саморассказом. — Как я стал «заведующим производством» и как слетел. — Комната уродов. — Генерал Беляев. Гордость в первом поколении. — Генерал МВД Зиновьев. Под спасительным крылом. — Доктор Правдин, перепуганный вусмерть. — Интеллигенция по-советски. — Кто же истинно интеллигент? — Инженер Орачевский. — Бабочка, пережившая мороз. — Посажен за улыбку. — Мужик Прохоров, посажен за жалость. — И сам я был урод. — Что с генералом Беляевым дальше. — Москва под нами. — Я нынче в своём лагерьке на Калужской.

Кукос, инженер новой советской формации. — Как и какие они создались. — Кутьба военного времени. — «Лёгкий завтрак».

ГЛАВА 10. ВМЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ

Политических отменили. — Народ — враг самому себе. — Анекдотические случаи посадок по 58-й. — Агитаторы неграмотные и глухонемые. — Велжужец Максимов. — Дети. — Спиритический сеанс. — Смысл массового террора. — Фантастические обвинения. — Стандартный набор. — Донос, невидимый луч борьбы. — Спектр агитации. — 10-й пункт, общедоступный. — 12-й, «знал-не сказал». — Случай с профессором Журавским. — И случаи, случаи... — Груша-пролетарка. — Чтение Есенина. — Пилот «Дугласа» и Эренбург. — И ещё другие. — Маркс в защиту гражданина. — Когда поверит Европа.

Политические обыватели. — Мешанина. — 58-я статья — простейший способ убрать. — Че-эСы, посадка семьями. — Пятьдесят Восьмая статья всё серей и робче. — Исправление бесцельно. — Теоретические основания, как содержать Пятьдесят Восьмую в лагерях. — Практические приёмы. — Стада неповинных. Угнетённость и разьединённость. — Политическая шпана. — «Забойтесь только о себе!» — Японские офицеры на Ревучем. — Нам не давали осознаться.

Когда политических не стало, тогда-то они и появились. — Христиане в лагерях. — Безвестная гибель. — Архиерей Преображенский. — Войно-Ясенецкий, епископ Лука. — Инженер Пальчинский. — Академик Вавилов. — Профессор Родионов. — Загадка Якова Почтаря. — Политическая молодёжь с 1944. — Насколько теперь политическим надо смелости больше, чем до революции. — Группа Бакста-Тарантина. — Смелого ищи в тюрьме. — Троцкисты. Как сторонились социалистов. — Надрывный энтузиазм лагерных протестов. — Воркутинская голодовка-забастовка троцкистов, 1936, и как их обманули. — Голодовка на 8-й воркутинской шахте. Шатания блатных.

ГЛАВА 11. БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ

Благомыслы, преданные коммунисты — политзаключённые ли? — Коммунисты без злорадства и претензий исключительности. — Авенир Борисов. — Борис Виноградов. — Николай Говорко. — Отпавшие. — Поддельные. — Ортодоксы — не работаги. — Бывший прокурор республики. — Сокрушение — от своих! — Протоколы съезда стахановцев. — Дочери не жить без комсомола. — Верность? — или кол на голове теши?

Набор 37-го года и легенда 37-го года. — П.?Постышев о карательной политике. — «Чей переворот?» — Их объяснения посадок. — Сталин — незатменное солнце. — «Называть побольше фамилий». — Как они сами помогли сажать других. — Поздняя справедливость истории. — Из списка главных. — Никто не боролся против партии. — Коммунисты разрушили традиции политических. — Какими глазами видели лагерники свежий набор 37-го года. — Неспособность и нежелание усваивать опыт жизни. — Взывания о помиловании. — Их уровень анализа событий. — Непробиваемость чугунных лбов. — Диалог с профессором-марксистом. — Поиграть «в товарищей».

Отношение благомыслов к лагерному режиму. — И не хотели и не могли бороться. — Кукиш в кармане. — Взаимоотношение их с лагерным начальством. Выпирают партийность. Всегда устроены. — И как сами же открыто пишут об этом. — Ортодоксы одобряют лагерный рабский труд, только не для себя. — Примеры, как они устраивались. — Коммунист Дьяков о себе. — Никто и не описан в полезном труде. — Ортодоксы не бегут и чужие побеги осуждают. — От Пятьдесят Восьмой отделяются — и даже ненавидят её. — Все пути их — к стукачеству. — Кадар, Гомулка, Гусак — из той компании.

ГЛАВА 12. СТУК-СТУК-СТУК...

Сексот. — Стукач. — Зачем надо знать стукачей. — Как загадочно, если представлять их лица. — Донос как помощь человеку и социализму. — Технические приёмы вербовки и встреч. — Отмычки для вербовки. — Степовой, солдат МВД. — «Нам нужно пять процентов правды». — Происхождение слова «кум». — Пометка «не вербовать». — Редкая расправа над стукачами в лагере.

Как неопытно я начинал срок. — Как меня вербовали. — Как трудно становиться человеком. — И ещё раз, когда уже смешно.

Самая сильная отмычка — судьба семьи. — Совет с тем самым, на кого и доносить. — Освобождение отталкиванием. — Освобождение Христовым именем.

ГЛАВА 13. СДАВШИ ШКУРУ, СДАЙ ВТОРУЮ!

Второй лагерный срок. — Бей лежачего! — Регенерация сроков — форма жизни Архипелага. — Механическая подача второго срока без следствия. — Во время войны лагерное следствие — спасение кумовьёв. — Всюду заговоры! — Следствие Александра Бабица. — Берут — заметных. — Буреполомский набор по агитации. — Срок за Горького.

Срок за Пушкина. — Даже лагерный арест как тяжёл. — Лагерная тюрьма. Воркутинская Тридцатка. — «Следственная палатка». — Следственная тюрьма Оротукана. — Скученность Серпантинки. — Лагколлегия, лагерный суд. — И снова на работу.

Лагерные расстрелы 1938 года — кашкетинские, гаранинские. — На Старом Кирпичном заводе. — Глумение блатных. — Расстрел-фантазия. — Пошажённые. — Расстрелы малых групп. — «Если вы когда-нибудь выйдете — расскажите!..» — Расстрел в ущельи у реки Усы. — Судьба расстрельщиков и самого Кашкетина. — Закопка живых на Адаке.

ГЛАВА 14. МЕНЯТЬ СУДЬБУ!

«Зелёный прокурор». — Постоянные побеги — энергия эзков не утеряна. — Порыв первого года. — Одинокая цифра. — С ростом Архипелага и труда — ослабление охраны. — УстьВымлаг, 1939. — Победы в самой Москве. — Цепи: отданность рабскому положению; голод; угроза нового срока. — Стоит ли бежать вору? — Враки блатных о несовершенных побегах. — Бесконвойность как помеха побегу. — Как якуты увозили эзков с Колымы. — Враждебность окружного населения к беглецам. Награды за поимку. — Предатели геологи. — Издевательства над пойманным. — Избить, искалечить, убить. — Расправа Петра Ломаги. — А кто поможет в конце побега? — На бревне по Индигирке. — Смерть в тайге. — Провокации побегов, для пользы оперов. — Но беглец и страшен встречным. — Разоруженья охраны. — Групповой побег поездом узкоколейки, близ станции Решёты. — Об успешных побегах по поздним провалам. — Под руку с лётчиком мимо охраны. — Пешком от Перми до Латвии. — Побег старика-анекдотчика, через дно вагона на ходу. — Побег Чеботарёва близ Балхаша. — Затравленная жизнь, скрывания, поиски. — Два слова по-китайски и расстрел. — Какие бывают разоблачения. — За помощь в атомной бомбе — на Колыму. — И удавшийся побег — ещё не свобода. — Победы за границу. — Побег Тайшет-Красноводск-Вена. — И как это всё прахом. — Изломы жизни инженера Аникина. — Групповые победы. — Всех не перечесть.

ГЛАВА 15. ШИЗО, БУРЫ, ЗУРЫ

Торжественный отказ от карцеров в раннесоветские годы. — За что даётся штрафной изолятор. — До года. — Каков он. — Карцер-сруб и карцер-яма. — Раздеванье до белья. — Преимущества блатных. — БУР и приписанные к нему. — БУР-барак и БУР-каменная тюрьма. — Экибастузский БУР. — Глотать столовую ложку, повеситься, сделать гангрену. — Черты ЗУРа. — Виды штрафных работ. — За что посылали в штрафные зоны. — Впечатления Ирины Нагель. — Зоны, штрафные и для надзора. — Вор вором губится. — Воркутинский известковый завод. — ОЛП Ревучий. — Когда Пятдесятая Восьмая может убивать блатных. — Довод на Ревучем. — Людоедство.

ГЛАВА 16. СОЦИАЛЬНО-БЛИЗКИЕ

Воспевание блатных в мировой литературе. — И разумеется, в советской. — Блатной певец на Калужской заставе. — Удержание уголовников в узде до революции. — Рассвобождение в год революции. — Беспризорники, сироты Гражданской войны. — Чекисты и урки, кто кого перевоспитал? — Пункты жизненной психологии блатного. — Почему они не воруют у государства. — Как их натравили на частные грабежи. — Социалистическое государство против лошади и собаки. — Ловить ли воров? судить ли их? — Амнистия 1953 года, воровская свобода. — «Предел необходимой обороны». — Государство не защищает граждан. — Как помогает преступнику советская боязнь гласности. — «Довеска» несовершенных преступлений. Дело Петра Кизилова. — Кто вступится за справедливость — раскается осьмижды.

Как «социально-близкие» выводятся из классовой теории. — Как им втолковывают. — «Использовать лучшие свойства блатных». — Блатные — владельцы наших жизней. — Блатная администрация вместо чекистской. — На производстве — за счёт Пятьдесят Восьмой. — Береговая на Волгоканале. — Зверства «честных воров». — За порогом злодейства?

Слово в защиту блатных. — Почему им не пользоваться плодами своей непокорности? — Жить — везде. — Виды татуировок. Наркотики. — Всё — своё. — Как далеко заходят карты. — Почему они должны любить труд? — Блатные и Отечественная война. — Честь блатных — не укреплять тюрьму. — Рассказ Томаса Сговио. Расправа на вахте. — Блатные романы. — Фальшь и бред драматурга Погодина. — Иерархия паханов. — Правилки. — Несовместимость с «фраерским» миром. — Крытки сломали хребет блатного мира.

ГЛАВА 17. МАЛОЛЕТКИ

20-е годы. Тюрьмы для несовершеннолетних, трудкоммуны, ФЗУ особого типа. — Статья о наказании с 12-летнего возраста. — Половина Архипелага — дети Октября. — Сталин вводит для 12-летних полную катушку и расстрел. — Череди отягчающих указов. — За детскую неосторожность — вплоть до расстрела. — Глазами английских левых. — Колосья, картошка. Рассыпанное зерно. Яблоко из сада. — Чего может натерпеться подросток и за 6 месяцев. — Рождение слова «малолетка». — Всачиванье в лагерную жизнь. — Перехват хищничества. — Два способа содержания малолеток. — История Юры Ермолова. — Ограбление и подавление малолеток воспитателями. — Малолетки борются коллективом. — Пропаганда отскакивает от них. — Безнаказанность протестов. — Дерзость. — Ранняя эротика. — Условия в смешанных колониях. — Идеал — стать вором. — Почему киевский мальчик не воровал при немцах. — Непобедимость банды. — Ограбления стариков. — Торговля с вольными. — Динамичные забавы. — Обозление инвалидов. — Оптимальный способ оскотинить ребёнка. — Лихо только начать. Многосрчники. — 20 лет сталинских законов.

Малолетки по 58-й. — Шестилетний. — Ейские девочки. — Хостинские сироты. — Галя Венедиктова. — «Дочь изменника родины». — Дети,

оставшиеся от ареста родителей. — Дети вослед за родителями. — Дело Нины Перегуд. — Раствлители душ. — Стойкость Зои Лещевой. — Отбитая сталинская голова. — Отзовись, та страна...

ГЛАВА 18. МУЗЫ В ГУЛАГЕ

Никто никогда не перевоспитался через КВЧ. — Назначение КВЧ. — Функции воспитателя. — Донять человека и в лагере, «чем живёт страна». — Оптимизм карусельного типа. — Муза лозунгов. — Живгазеты, скетчи, агитбригады. — Товарищеские суды. — Не предоставлять лагерника самому себе. — Лагерные газеты. — Всё кануло. Ледниковый период. — Воркутинские мёртвые клумбы. — А кому бы *нам* написать? — Что осталось при КВЧ.

Изобретательство как форма побега. — Трушляков. — Вынужденные технические показания пленных немцев. — Политический изобретает охрану лагеря. — Проект РАЯ. — Александр Чижевский. — Лагерная судьба Константина Страховича. — А других — откуда нам узнать?..

На огонёк КВЧ. — Лёва Г-ман. — Профессор Доватур. — Камилл Гонтуар. — Художники в лагере. — Кандалами музыка пахнет. — Поэты для карикатур. — А прозаиков не бывает. — Надгробное слово русской прозе. — Четыре возможные сферы мировой литературы. — Небывалое слияние опытов и гибель его.

Художественная самодеятельность. — Хор. — Крепостные артисты. — Что приманивает их. — «Только внутри ГУЛАГа». — Патриотический скандал в патриотической пьесе. — Судьба Николая Давиденкова. — Никаких «сомнений!» — «А судьи кто?» — Крепостные трупы и театры. — Судьба известных советских артистов. — Двойное перевоплощение актёра-зэка. — Труппа Московского управления лагерей. — Танец Изольды Глазнев. — Освальд Глазнев над разрушенной жизнью. — Никогда не знаем, где удача, где гибель. — Наша самодеятельность на Калужской заставе.

ГЛАВА 19. ЗЭКИ КАК НАЦИЯ

Зэки как класс. — Зэки как биологический тип? — Определение нации по Сталину. — Зэки более чем удовлетворяют. — Матерщина как ядро языка. — Проблема деторождения. — Происхождение слова «зэк».

Климат Архипелага. — Внешний вид туземцев. — Речевая манера зэков. — Энергичность языка. Онемляющая манера. — Звонкий, тонкий и прозрачный. — Национальный тип зэка.

Отношение к казённой работе. — Жизненные правила зэков и старые крепостные пословицы. — Отношение к начальству. — Не тянутся за похвалой. — Перепрокинутая шкала ценностей. — Не любят своих островов. — Преувеличенное значение пайки, махорки и баланды. — Отказ от семейной жизни. — Виртуозное умение спать. — Жизненный напор. — Совесть? в личном деле. — Темниловка. — Добросовестность в частных обязательствах. — Скрытность. — «Закон-тайга». — Сыны ГУЛАГа. — Заповеди зэков. — Не суй носа в чужой котелок. Как это понимать. — Не

верь, не бойся, не проси. — Душевная уравновешенность. Настроенность на худшее. — Притупленность чувств. — Фатализм. — Жизнелюбие. — И дай Бог всякому такой жизни. — Легковерие. — Вера в Амнистию. — Жажда справедливости. — Миф о помиловании Каплан. — Рассказы о прошлом. «Как попал». — Незыблемость прошедшего. — Рассказы о зэчьей ловкости. — Юмор. — Медведи и социализм. — Язык благных в языке эзков. — Язык эзков в языке воли. — Некоторые корни жаргона в дореволюционном языке. — От Фан Фаныча.

ГЛАВА 20. ПСОВАЯ СЛУЖБА

Служба, связанная с собаками. — А как их называть? — Генералы ГУЛАГа. Завенягин. Антонов. — Почему мы не всматриваемся в тюремщиков. — Моральный отбор в МВД. — Лицемерный совет Дзержинского. — «Старый чекист». — Разница между чекистом и лагерщиком. — Обучение лагерщиков в 20-30-х годах. — Человеческое не получилось. — Общие черты лагерщиков. — Безграничная власть. — Во всём превосходство. — Спесь. — Тупость. — Вот моё поместье, и я пролетарий. — Бездарность. — Самодурство. — Уроки пения от крепостного. — Ощущение вотчины. — Универсальное стяжательство. — Их преимущества по самой службе. — Использование прислуги и обслуги. — Воровство из пайка заключённых. — Воровство по лагерному хозяйству, использование хоздвора. — Воровство с производства. — Похоть и возможности её. — Злость и жестокость. — «Здесь телеграфные провода кончились!» — Садизм. — Почему выражение недовольное? — Как же умело отбирают их из человечества! — Расправа с медсестрою в Ахтме. — Перечень палачей. — Трофеи и попойки Мамулова. — Примеры хороших лагерщиков. — Подполковник Цуканов. — Свидетельство об инженер-полковнике Мальцеве. — «Хорошие» лагерщики в понимании благонамеренных. — Тогда хороши, когда в лагерь садятся.

Гулаговские унтеры. — Те же качества в уменьшенном виде. — Сочувственные надзиратели. — Надзиратели-ветераны. — Призванные военного времени. — Старшина Ткач в Экибастузе.

Вохра и виды её служб. — Конвой и убивши прав. — Беспрекословность отношений с эсками. — Произвол офицеров Вохры. — Как сгорели лагпункты на реке Вишере. — Военкоматский отбор конвойных войск. — Размягчение состава Вохры в годы советско-германской войны. — Стрелок Вохры Самшель. — И служба — «срок». — Конвоиры и женщины на женских лагпунктах. — Самоохрана. Её жестокость. — Самоохранник Кузьма. — Самоохранник Лунин.

ГЛАВА 21. ПРИЛАГЕРНЫЙ МИР

Передаточная зона вокруг лагерей. — Распространение лагерных элементов на весь Союз.

Посёлки прилагерного мира и их дальнейшая судьба. — Кизел. — Караганда. — Категории жителей прилагерного мира. — Какие вольняшки стягиваются сюда. — Вольняшки-работяги. Взаимные услуги эзков

с ними. — Когда лагерь в крупном городе. Ещё о «двухэтажных деньгах». — Вольные десятники. — Сын пьяницы и сын крепкого мужика. — Фёдор Муравлёв, председатель месткома. — Прораб Буслов. — Фёдор Горшков, старый десятник. — Воспоминания о дореволюционных порядках.

Ревнивые разгородки среди верхов вольняшечьего посёлка. — Поселковые нравы. — Страсти скудной жизни. — И то же наблюдение и беззачиние надо всеми. — Наша столица глазами якута.

ГЛАВА 22. МЫ СТРОИМ

Выгоден ли государству труд заключённых. — Высказывание Молотова. — Расчленение вопроса. — Политический и социальный расчёт. — Экономика впереди политики. — Для работ унизительных, особо тяжёлых или неподготовленных. — Примеры таких работ. — Незаменяемость бесплатной силы. — Задача самокупаемости лагерей. — Как её нагнетали в начале 30-х годов. — Помехи тому. Нерадивость заключённых. — Воровство вольных. — Окупить лагерный аппарат. — Инженерные стеснения. — Ошибки руководства. — Прихоти социалистического планирования (Талага, Усть-Вымы). — Брошенные железные дороги. — Когда лагерю выгодней считать эзков большими. — Быть Хозяином вотчины. — Как обойти френкелевскую грёбенку? — Воскресные работы в жилой зоне. — Приписывание выхода. — Хоздвор, основанный на воровстве. — Преимущества там для работяг. — Чудеса кенгирского хоздвора. — Как строили наши прадеды и как мы. — А всё-таки она вертится!

Начало списка строительства и производств, где работали ээки. — Кто бы составил карту Архипелага — и как её составить?.. — Тысячи неизвестных лагпунктов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ДУША И КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

ГЛАВА 1. ВОСХОЖДЕНИЕ

Ошутимая длительность — для размышлений. — Угрызений совести не знает Архипелаг. — Почти поголовное сознание невинности. — Редкость лагерных самоубийств. — Несколько случаев их. — Большая сила воли или малая? — Чувство всеобщей правоты, народного испытания.

Очищение мыслей с тюремными годами. — Пойдёшь направо, пойдёшь налево... — Самоприказ «дожить!». — Те, кто не хотят меняться. — Благотворные перерождения в тюрьме. — А в лагере? — Семинар предсмертников. — Любить жизнь — так и самую тяжкую. — Когда мысль о свободе становится насильственной.

Лагерная свобода от казённого лицемерия. — Свобода от житейских забот. — Важен результат? — Нет, важен дух. — Эта проблема в лагере. — Гордость работой рук и успокоение от неё.

Развитие чувств в неожиданном направлении. — Мы поднимаемся. — Не радуйся нашедши, не плачь потеряв. — Пересмотр бывшей жизни. — Завещание и смерть Бориса Корнфельда. — Как можно найти в этом правиле всеобщий смысл. — Высший Смысл объясняется нам всегда позже. — Линия между Добром и Злом. — Религии и революции. — Судить идею, а не людей. — Теребящие размышления над собой. — Благословение тебе, тюрьма!

ГЛАВА 2. ИЛИ РАСТЛЕНИЕ?

Шаламов об отмирании в лагере человеческих чувств. — В тюрьме — моральная работа, а выживание — не за счёт других. — Лагерь — свалка, ненависть. — Зависть. — Страх. — Душевный лишай. — Множественность примеров. — Даже когда это нам без надобности (Чульпенёв). — Науськивание. — Самоохрана. — Самоугнетение. — Суть в отступлении от закономерности. — Твёрдость верующих. — Тётя Дуся Чмиль. — Григорий Иванович Григорьев. — Не растлеваются, у кого есть нравственное ядро. — Растление не идёт без восхождения.

«Исправление»? — Только не оно в советских лагерях. — А если человеку не от чего исправляться? — Неравность «равных» наказаний.

ГЛАВА 3. ЗАМОРДОВАННАЯ ВОЛЯ

Что значит носить опухоль. — Признаки вольной жизни тех лет. — Постоянный страх ареста, чистки, притеснений, анкет. — Совет чекиста в окошечко. — Прикреплённость к месту. — Скрытность советского человека — его спасение. — Когда скрывают от жены, от отца. — Когда не верят честным движениям. — Когда даже бесполезно сказать вслух. — Всеобщее незнание, абсолютная негласность. — Избыточная вербовка стукачей. Чего этим достигали. — Предательство как форма существования. — Все отворачиваются от преследуемых. — Черты некоторых знаменитостей. — Мальчишка, сбежавший на вокзале. — А кто служивал в преследованиях? — Предательства внутри семей. — Не всем на Земле достаётся эти клещи узнать. — 1937 — коронный год растления *воли*. — Скрытое мужество тех лет. — Случаи, ставшие известными. — Не «лотерея», а душевный отбор. — Сколько же было доносчиков? — Предательство в благодарность. — Плагиаты учеников. — Поживка соседей. — Почему была невозможна победа честного. — Посадка Александра Бабича. — Благородные движения — вдали от службы. — Ложь — единственно безопасная форма существования. — Ко лжи готовить и детей. — Лекции, погубленные из страха. — Самозабвенная ложь советских писателей. — Нам и умереть завравшись. — Хоть похлопать старой песне. — Жестокость советских людей. — У челябинской камеры хранения. — Не «несчастненький», а «падло». — В коммунальных квартирах. — Разложение ползёт по семьям. — Рабская психология. — Само ли это всё получилось или разработано?

Миллионы потерянных женщин. — Детское письмо. — Статуя охранника с собакой.

ГЛАВА 4. НЕСКОЛЬКО СУДЕБ

Анна Петровна Скрипникова. — Степан Васильевич Лоцилин.
Отец Павел Флоренский. — Валентин Комов. — И ещё бы кого.

**ЧАСТЬ ПЯТАЯ
КАТОРГА**

ГЛАВА 1. ОБРЕЧЁННЫЕ

Звучание слов «каторга», «каторжане». — Сталинский указ о введении каторги и виселицы. — Победы фронта пригоняли пополнения. — Каторжный лагпункт на 17 й шахте Воркуты. — Сверхрежим. — Сравнить с сахалинской каторгой при Чехове. — Другие такие лагпункты. — Гнев читателей на автора. — Три комсомолки-лётчицы. — Женщины, сходявшиеся с оккупантами. — Как сажали мелкоту. — Школьные учителя на оккупированной территории. — Оборот властей с патриотизмом в советско-германскую войну. — Откуда столько предателей? — Определяет ли бытие сознание? — Кем это *допущены ошибки*? — И что считать ошибками. — Почему так многие были рады приходу немцев? — Раскрытие винницких могил. — Больно ли тем, кого мы топчем? — Где же ваше Учение? — Кому не хватало воздуха. — Чета Броневицких. — Как это воспринималось юностью. — И в 30-е годы далеко не все восхищались. — В советской печатной лжи не различить оттенков. — Броневицкий — бургомистр, и что он должен был увидеть. — Ясность понимания у довоенной деревни. — Каковы были к войне народные чувства и как побуждены. — Исход населения с разбитым врагом. — Власовцы от отчаяния. — Власовцы от горения сердца. — Что знали эти люди в 1941 году. — Повторить приём самого большевизма. — Паралич и распад коммунистической власти в 1941. — Котлы, котлы. — Майор Кононов и его полк. — «Превратить войну в гражданскую». — Народное движение в Локте Брянском, его программа. — На Дону. — Ленинградские студенты. — От прихода иностранной армии ждали только свержения режима. — А Западу нужна была своя свобода, а не наша. — Наш порыв к освобождению и немецкая колониальная тупость. — Истинное движение низов. — Изменили родине — коммунистические верхи. — В союзе с немцами прежде был Ленин.

Смягчение каторжного режима в 1946—47 по хозяйственным потребностям. — Создание Особых лагерей с 1948 года. — Перечень их. — Отбор в них по статьям. — Нуждаются ли советские в определении каторги?

ГЛАВА 2. ВЕТЕРОК РЕВОЛЮЦИИ

Когда теряешь вкус к благам. — Как изменили арестантский воздух двадцатипятилетние сроки. — Начало корейской войны. — Задорный спор с конвоем. — Благословение крестьянки. — Беспугливая девка. — Павел Баранок и как он бил блатных. — Столкновение с *суками*. — «Мы опять революционеры!» — И оказывается, т а к можно жить в тюрьме? — Володя Гершуни. — Камера-конюшня. — Прибалты. — Отношения с

Украиной после 1917. — Кто хочет жить — живите! — Величие нации — в величии поступков. — Какие подробности могут представиться.

Читаем газеты. — Жаждем бури! — Что им оставили хотеть, кроме войны? Дух Особлагов 1950 года. — История Пети Пикалова. — Вольности Куйбышевской пересылки. — «Будет на вас Трумен!» — Омский острог. — «Как дело измены, как совесть тирана...» — Иван Алексеевич Спасский. — Павлодарская тюрьма. — Безымянная павлодарская девушка. — В грузовиках по степи. — Как отцы живут, так дети играют. — Куда это нас везут? — Ночное пыльное марево. — Приехали. — Номера.

ГЛАВА 3. ЦЕПИ, ЦЕПИ...

А тут — покорность. — Наручники как орудие пытки. — Система в утяжелении режима. — Как нашивались номера. — Замысел в их использовании. — Объяснительные записки. — Гнёт номеров не состоялся. — Расчёт на полную глухость. — Каторжане в Особлагах. — Сухое бурение меди. — Спасское отделение Степлага. — Когда инвалиды работают пуще здоровых. — Женский инвалидный каменный карьер. — Когда человека кормят, как скот. — Смертность. — Лагерное начальство кончило хорошо. — Умиравшая связь с волей. — Арестантские письма в спасской цензурной печке. — Ничего не иметь. — Система обысков. — Номера — лишь техническая помеха. — Женщины, помнящие Апокалипсис. — По номерам назначивает конвой. — Конвой всегда прав. — Крещенское утро под автоматным огнём. — Почему Особлагеря начинались так рабски. — Экибастузский лагерь после одного года. — Карцеры и вывод Гершуни. — Вывод Твердохлеба. — Строим лагерную тюрьму. — Череда побегов.

ГЛАВА 4. ПОЧЕМУ ТЕРПЕЛИ?

Закономерность? — А мог ли так зажать царь? — Кадетско-социалистическая трактовка русской истории. — Солдаты-декабристы. — Ответ Пушкина. — Дело Веры Засулич. — Поражающая нас пустота политических тюрем. — Не давили, а дразнили. — Как преследовали Милокова. — Ссылка Гиммера. — Убийство Максимова. — Суд над Лопухиным. Неготовность кодекса. — Слабость тюремного режима. — Как преследовали Ульянова-Ленина. — Действительно ли были суровы к эсерам. — Студенческая забастовка 1901 года. — Бурцев о тюрьмах петербургских и европейских. — Леонид Андреев в тюрьме. — Красин, Радек, Семашко, Парвус. — Литературная энциклопедия на «К». — Как преследовали Крыленку. — Губернатор-революционер. — Печать в годы реакции. — Безопасная смелость ялтинского фотографа. — Ссылный Гоц ведёт подрывную газету. — А как сылали Шляпникова? — Отец и сын Зурабовы. — Родственники Тухачевского в СССР. — Родственники Троцкого и Ленина в России. — Лев Толстой и политическая свобода. — Когда о казнях открыто печатают. — 8 месяцев столыпинской «военной юстиции» и чем она была вызвана. — Революционеры не имели времени медлить. — Время столыпинское и время сталинское. — Степени сжатия вещества. — «Отрешиться от благодущия». — Что делает общественное

мнение. — У нас образованное общество «ни о чём не догадывалось». — Арестантские протесты — и общественное мнение на воле. — Разодранная рубашка Дзержинского. — Знаменитый карийский эпизод. — И примерив его к нам. — Но и как возросли тюремщики. — Помощь побегам в царское время ничего не стоила. — Нижегородская тюрьма по Горькому. — Свидетельство Ратаева о ссылке и тюрьме. — Слабость секретного сыска в столицах, отсутствие в провинции. — Как покушались Сазонов и Каляев. — С царской ссылки не бежал только ленивый. — Побег и возвращение Улановского. — Побег Парвуса. — Наши мятежи и неготовность общества. — Как раз мы и не терпели.

ГЛАВА 5. ПОЭЗИЯ ПОД ПЛИТОЙ, ПРАВДА ПОД КАМНЕМ

Кремнистое дно даёт упор. — Пишу поэму. — Приёмы запоминания. — Чётки-ожерелье. — Три провала с текстом. — Бумажный комочек в урагане. — Сочинение пьесы как побег. — Встреча со стихами Шаламова в 1956. — Сколько было нас таких на Архипелаге? — Анатолий Силин, духовный поэт. — Баптисты.

Сознакомление огоньков. — Афганский пленник. — Толстовец, у нас поберегись! — Юрий Венгерский. — Йог Масамед. — Раппопорт бежит за рулоном. — Его трактат о любви. — Страшна не смерть, а подготовка к ней. — Поэты. — Что не опасно читать в Особлаге? — Знакомства вокруг далевского словаря. — Рассказы Василия Власова. — Янош Рожаш. Как он полюбил Россию. — Его письма из Венгрии. — Скольких удушил Левиафан?

Архидьякон Владимир Рудчук. — Георгий Тэнно в КВЧ. — Пётр Кишкин и его шутки. — Песенка Жени Никишина.

ГЛАВА 6. УБЕЖДЁННЫЙ БЕГЛЕЦ

Кто такой убеждённый беглец. — Наказания беглецам и за беглецов. — Сутки в тайге — вот и свобода.

Жизнь Георгия Тэнно. — Арест и первичные надежды. — План побега из Лефортовской тюрьмы. — Большой срок освобождает волю беглеца. — Тюремная наблюдательность и тюремные расспросы. — Неудавшийся бутырский мятеж. — Возможности на железнодорожных станциях, в этапах. — Расспросы бывших беглецов. — Теория побегов? — Побег по случаю и побег по плану. — Побег Ивана Воробьёва. — Тэнно готовит большой побег. — Готов к смерти — значит, и к побегу. — Последние часы перед побегом.

ГЛАВА 7. БЕЛЫЙ КОТЁНОК

Рассказ Георгия Тэнно об их побеге с Колей Жданком.

ГЛАВА 8. ПОБЕГИ С МОРАЛЬЮ И ПОБЕГИ С ИНЖЕНЕРИЕЙ

Из Особлагов побега быть не может. — Но именно тут--то самые славные. — Побег Григория Кудлы. — Настроение ссыльных. — Побег

Степана* и его худой конец. — Как зарезали Прокопенко. — Неподготовленный побег удач.

Двойная стенка вагона. — Второй побег Батанова. — Подкоп экипажстужской режимки. — Быстрая вошка. — Конец. — Назовите такое у революционеров!

ГЛАВА 9. СЫНКИ С АВТОМАТАМИ

Охранники-мальчики. — Наша смертная связь. — В их неведении — сила системы. — Как политруки воспитывают их в ненависти. — Безнаказанные застрелы зэков. — Мотивировки стрелков. — Стрельба в колонну зэков разрывными пулями. — Присяга. — Передоверить свою совесть другим? — Защита мальчиков Владиленом Задорным. — Его собственная история. — Система!

ГЛАВА 10. КОГДА В ЗОНЕ ПЫЛАЕТ ЗЕМЛЯ

Как скрыты наши восстания. — Ретюнинское восстание в Ош-Курье. — Восстание на 501-й стройке. — Восстание в Нижнем Атурыхе. — Премах Сталина с Особлагами. — Самосознание политических. — Как сделать, чтоб *они от нас* побежали? — Первые убийства стукачей. — На этом звене рвут цепь. — «Умри, у кого нечистая совесть!» — Рубиловка. — Недобрый майор. — Не стали ходить по вызову опера. — Начальство ослепло и оглохло. — Объединение зэков по нациям. — Нехватка бригадиров. — Стукачи бегут в БУР. — Земля зоны запылала! — Начальство подкрашивает движение под «сучью войну». — Что такое «сучья война». — Как это излыгалось в советской прессе. — Указ 1961 года о расстреле за лагерное убийство. — Весь лагерь — на штрафной режим. — Саморазгораживание зон. — Начальственный спектакль подготовки к освобождению. — И арестовывать не даёмся! — Оглянулись — и увидели, кто мы.

ГЛАВА 11. ЦЕПИ РВЁМ НА ОЩУПЬ

Новые отношения с начальством — через ров. — Но чего нам требовать? — И какими путями? — Перетасовка экипажстужских зон. — Стукачи пытаются наших. — Штурм БУРа. — Подавление огнём и боем. — Каторжное безразличие к судьбе. — Как мы начали забастовку-голодовку. — Три дня Экибастуза. — Гордость Юрия Венгерского. — Мы победили? — Собрание бригадиров. — Расправа. — Я в больнице. — Прощание с Баранюком.

Ещё год в Экибастузе. — Возврат духоты. — Гонка хозрасчёта. — А наших тем временем караи. — Этап стукачей-свидетелей. — Нет, воздух переменялся! — Особлаги развёртываются для новых зэков.

Наши ребята в Кенгире. — Как освобождались от наручников. — Пробуждение кенгирцев. — Первый забой стукачей. — Отпор начальства. — Замерло.

Кризис Особлагов в конце жизни Сталина. — Смерть Сталина сдвинула дальше. — «Ворошиловская» амнистия. — Неуверенность эмведешни-

ков от падения Берии. — Забастовка в Речлаге летом 1953. — Расправа на 29 й шахте. — Опять развозить мятежников. Архипелаг становится тесен.

ГЛАВА 12. СОРОК ДНЕЙ КЕНГИРА

Падение Берии: смутило каторжан, смутило эмведешников. — Стать нужными! — Провокационные застрелы. — Кенгир. 16 раненных разрывными пулями. — Убийство евангелиста. — Забастовка мужских лагпунктов. — Рассосали и в этот раз. — Перебор: присылка блатных.

Новое соотношение Пятьдесят Восьмой и блатных. — Заключён союз. — Новое поведение воров: вежливость к Пятьдесят Восьмой, издевательство над начальством. — Неотвратимость подготовки кенгирского мятежа. — Блатные начинают. — Штурм хоздвора и первая баррикада. — Лагпункты слились! — Первые требования. Самоосмысленье. — Высокая комиссия на всё согласна. — Выход на работу и обманная заделка стен. — Атака безоружных под пулемётами. — Зона освоена, тюрьмы открыты. — Побег восьми тысяч в свободу.

Почему не стреляли и дальше. — Мятеж выбирает лозунги. — Комиссия и её отделы. — Соотношение с потайным центром. — Оборонное укрепление зоны. — Тайны Технического отдела. — Пикеты и пики. — Пуританский воздух мятежа. — Неузнаваемые вору. — Снабжение. — Генералы в зоне. Переговоры. — Роль Капитона Кузнецова. — Малолетки отказываются от свободы. — Служба безопасности, Глеб Слученков. — Благонамеренные против мятежа. — Тюрьма для экскурсий. — Экскурсия на рудник. — Неузнанные волнения там. — Агитационная война по радио. — Воздушные шары, змеи. — Газетные события тех дней. — Сочувствие чеченов. — Проломы для перебежчиков в лагерной стене. — Сытое начальство фотографирует оборону несчастных. — А перебежчиков всё нет. — Атмосфера переплава. — Надежды зсков. — Молодожёны. — Верующие. — Приободренья на митингах. — Томительное нереальное время. — Обман 24 июня. — Подавление на рассвете 25-го. Ракеты, самолёты, танки, автоматчики. — «Трибунал Военных преступлений» и «Правда». — Потери Кенгира сравнительно с 9 января 1905 и Ленским расстрелом. — Расправа над уцелевшими. — И потекла обычная жизнь. — Памятник Долгорукому.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ССЫЛКА

ГЛАВА 1. ССЫЛКА ПЕРВЫХ ЛЕТ СВОБОДЫ

История русской ссылки от Алексея Михайловича. — Послабления её к концу XIX века. — Постоянные льготы для политических в сибирской ссылке. — Обветшание ссылки к началу XX века. — Мягкость ссылки именитых и неименитых. — Моральная тяжесть даже мягкой ссылки.

Высылка при борьбе с народными восстаниями в раннесоветское время. — Регулярность политической ссылки с 1922. — Замысел советской власти: повторные круги. — Материальное обеспечение политиче-

ских в царской ссылке. — Обеспечение уголовных на Сахалине. — Выплата «политам» и обесценение её. — Беззащитность и бессилие советских ссыльных. — Отмирание бывших партий. — Сионисты в 20-е годы. — Социалисты в ссылке, их слабость. — Расчуждённость ссыльных и отчуждённость от населения. — Как социалисты запретили себе побег. — «Минус». — А Большой Пасьянс неумолим. — Ссылка — загон предназначенных к аресту.

ГЛАВА 2. МУЖИЧЬЯ ЧУМА

Незамеченные миллионы. — Как возник этот план? — Удар по крестьянству в 1918. — Начало истребления в 1929. — Постановления января — февраля 1930. — «Кулаки» и «подкулачники», загуляли клички. — «Активисты». Зло не вычёсывается гребнем. — Сплошное выселение сёл. — Кулак-мальчишка Шура Дмитриев. — Мотя «Эдисончик». — Мельник Лактюнькин. — Кузнец Трифон Твардовский. — Не должно быть домов кирпичных. — Вгон в колхоз. — Великий Перелом хребта.

Картины разорения и раскулачивания. — Чумный воздух ещё годы над деревней. — Тимофей Овчинников, ветеринар и колбасник. — Колбаса на службе ВКП(б). — Зимние обозы с грудными детьми. — Чтобы семя мужицкое погибло. — Картины этапов. — Этап пришёл на место. — Архангельские церкви — пересылки раскулаченных. — Умирающим на улицах не помогать! — Ссылка в никуда. — Выбор мест, где жить нельзя. — Посёлки, обращённые в лагеря. — Посёлки вымершие. — Васюганская трагедия.

Жизнь в спецпосёлках. — переброска поселенцев в лагеря, разрыв с семьёй. — Постановление о возврате раскулаченным прав. — Предложение идти на фронт. — Ответ Николая Хлебунова. — Устоянье посёлков, забытых начальством. — Повторное раскулачивание. — Яруевские старoverы на Подкаменной Тунгуске. — И другие старoverы, расстрел в енисейской воде. — Закрепощенье по браку и детей. — Прикреплённые к шахтам навечно. — Пережившие 20 летъе Чумы — те же советские. — На Сталина нет обид! — И он победил государственно.

ГЛАВА 3. ССЫЛКА ГУСТЕЕТ

Развитие советской ссылки от 20-х годов к 40-м. — Ссылка-свалка, «освобождение» в ссылку. — Административное различие ссылки и высылки. — Главные поводы ссылки-высылки. — Отстройка от всех потоков. — Расправа над семьёй Кожурина. — Ссылка калек Отечественной войны. — Караганда, 1955. — Енисейск, 1948 и 1952. — Тасеево, 1949. — В чём «освобождение» из лагеря? — «Я для вас теперь товарищ». — Инструкция новоссыльным. — Варианты с женитьбой в разных местах. — «Общие работы» в ссылке. — «В лагере хлеб дают!» — Униженность и бесправие ссыльного. — Когда ссыльный пытается служить честней начальства. — Но самая тяжкая ссылка — в колхоз. — Лучше ли в совхозе? — На далёком отгоне, «тургайский раб». — Не свободна ссылка и от перебросок. — Власть комендантского офицера. — Рост наказания за по-

бег. — Отлучки по недоразумению — тоже побеги. — «Побег» А.И.? Бого-
словского. — Опер-чекотдел в ссылке. — Карьера Петра Виксне. — Вто-
рая *протяжка* ссыльных. — Разъединённость и молчание. — Где те
весёлые группы времён Ульянова?..

ГЛАВА 4. ССЫЛКА НАРОДОВ

Колониальные покорения не знали высылки народов. — Сталин-
ский опыт — первый. — Первые «спецпереселенцы» в Мужичью
Чуму. — Высылка корейцев с Дальнего Востока в 1937. — Высылка
финнов и эстонцев в Карелию, 1940. — Высылка немцев Поволжья в
1941. — Высылка разных наций в годы войны. — Техника изгнания на-
рода. — Торжество единообразия. — Лишь малые трещины в нём. —
Куда ссылались нации. — Прорежьёне прибалтийцев. — Почему начи-
нали с офицеров. — Принципы отбора из нации. — Высылка прибал-
тийцев и западных украинцев в 1948–1951. — Что ещё было в планах
Сталина? — Прибалтийские постановления и категории ссылаемых. —
Как повысилась техника высылки. — Эстонцы в этапе. — Моление о
войне в те годы. — Теплота встречи сибиряками. — Комсомольский ак-
тив. — Как купили 10 вагонов ссыльных на Чулым. — На рудниках Ха-
касии. «Старатели». — Сравнение с заводскими крепостными. — Спец-
переселенцы в колхозе: колхоз и лагерь вместе. — Прибалтам — кайло,
лопата! — Картинки быта. — «Гражданские права» как ещё одна гиря. —
О, как однообразно!..

Немцы, греки, корейцы в казахстанской ссылке. — Непокорные че-
чены. — Случай с семьёй Худаевых. — Значение кровной мести.

ГЛАВА 5. КОНЧИВ СРОК

Тюремная мечта о ссылке. — Подпал и я. — 50-е годы. Преимущество
ссыльных перед мнимо освобождёнными. — Тюремные суеверия при
освобождении. — Едем на юг! — Ещё одно освобождение. — Владимир
Александрович Васильев. — Новый след Эрика Андерсена. — Предпо-
ложительная версия о нём. — Решающий миг назначения места. — Созна-
ние высшее: не ловчить. — Вечная ссылка, в неувязке даже с советскими
законами. — Но — вечно ли МГБ? — Издевательское назначение Василье-
ва. — Наш последний этап. — Ссыльных принимает МГБ. — Иду нани-
маться учителем! — На приёме в районо. — Лунная ночь во дворе МГБ.
Начало жизни! — И смерть Тирана.

ГЛАВА 6. ССЫЛЬНОЕ БЛАГОДЕНСТВИЕ

Пишу нестеснённо пьесу. — Агония переоценок в райпо. — Мой
бунт. — Как меня взяли преподавателем. — Особенность учения для ссы-
льных детей. — Для казахских. — Угнетённое положение учителей. —
Борьба Митровича с администрацией. — Ссылные участвуют в комедии
выборов. — История Григория Маковоза. — Как рассудить? — Где пре-
дел прощения?

Льготность некоторых южных ссылок. — Ссылка в Казахстане лучше колхоза на Украине. — «Ворошиловская» амнистия 27 марта 1953. — Как она проявилась в Кок-Тереке. — Смягчение ссылки после Берии. — Я был счастлив. — Очищенная точка зрения. — «Аденауровская» амнистия 9 сентября 1955. — Не хочу в столицы! — XX съезд и конец ссылки. — Опять на Лубянке. Дело к реабилитации.

ГЛАВА 7. ЗЭКИ НА ВОЛЕ

«Освобождение» под небом Гулага. — Лишённые ссылки. — Как Наталья Столярова попросилась переночевать в лагере. — Всюду гонимые. — Когда твои фотографии замазаны друзьями. — Когда предпочитаешь быструю смерть. — Благоразумные зэки остаются при лагере. — Как они живут. — Чем дольше сидел — тем меньше надежды на пенсию. — «Второй день Ивана Денисовича». — В одну сторону — бровь намурить, в другую — впрячь сто волов. — Цена реабилитации. — Справка... — И откуда следующим поколениям узнавать?

Расслабление от свободы. — Восприятие. — Освобождение как вид смерти. — Побег в одиночество. — Ничего не иметь, от зоны до зоны. — Трудно с благополучными. — Те, кто, напротив, нагоняют упущенное. — Гордиться прошлым — или забыть, забыть? — Как Благомыслы включаются в советскую жизнь. — Забыть — не слишком ли глубокое рабство? — Заплывчивое тело. — Забыть, как вор *завязывает*. — Остойчивость личности? — Но как это *забывают*? — Читаю лекцию в женской колонии. — Лагерный голод восстанавливается в один день. — Тяга посещать места, где сидел. — Но мы умеем вспоминать и хорошее. — Всегда безунынные зэки, могучее племя. — Новая мера вещей и людей.

Развыкание, разделение мужа и жены за 10, за 20 лет. — Когда встречаешь на воле своих следователей, своих лагерных хозяев, своих предателей. — Тщетно искать справедливости против лжесвидетелей и негодяев. — Громы прошли без дождя. — Льготы клеветникам по советскому Уголовному кодексу. — Дело Анны Чеботар-Ткач. — Где ещё бывало столько ненаказанного злодейства?

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ СТАЛИНА НЕТ

ГЛАВА 1. КАК ЭТО ТЕПЕРЬ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО

Мы ждали правды после нашей смерти. — Распах короткий и малый. — После «Ивана Денисовича». Неправдоподобный взрыв прессы. — Взрыв писем. — Письма наших врагов. — Пропасть непонимания. Мы перестаем быть единым народом.

Как прикрывали брешь. «Слава Партии!» — Пути подмены Архипелага. — Проклятье международному империализму! — Тайные партийные собрания ортодоксов. — Но против начальства разве допустимо бороться? — Как Благомыслам спастись за счёт других. — «Почему Шухов не боролся?» — Коммунисты или простой Иван? — Басни коммунисти-

ческой печати. — Басни советских писателей. — Как хороши лагеря сегодня. — Команда: вообще замолчать о лагерях.

Хрущёв и Твардовский верили, что «Иван Денисович» — о прошлом. — Но и я поверил! — Никакая мера горя нам недостаточна. — Письма нынешних эзков. — И снова проступили контуры Архипелага. — Все силовые линии нашего общества — к тирании. — Как читали эзки книгу, «одобренную партией». — И в прилагерном мире тож. — История скульп туры Недова.

Не прощайте фашистских убийц! — а мы не знали, не понимали... — И не следователи виноваты, а сами заключённые. — Короткое время они забеспокоились. — Как гебистам дослужить до пенсии. — Чистка архивов. — Вы боитесь нас и мёртвых! — «Пора восстановить понятие *враг народа*».

ГЛАВА 2. ПРАВИТЕЛИ МЕНЯЮТСЯ, АРХИПЕЛАГ ОСТАЁТСЯ

Особлаги — из любимых сталинских детищ. — Их ослабление после смерти Сталина и падения Берии. — Эмведешники просят не называть их бериевцами. — Мероприятия «общественной самодеятельности» — да не та почва. — Законное содержание. — Разгрузочные комиссии. — Архипелаг и эмведешники на краю гибели.

Как должно было бы выглядеть подлинное освобождение эзков. — Кто у кого должен просить прощения? — Освобождение ценой признания вины. Эра свободы в прокурорской мантии. — 1955–56 — роковые годы Архипелага. — Не тогда ли было и распустить его? — На что Хрущёв потратил свою власть. — Контратака Практических Работников. — Хрущёв укрепляет лагерь между XX и XXII съездами.

Наша история подошла к концу. — Новые свидетели послехрущёвской эпохи. — Владимирский централ при царе и при советах. — Снова «колонию» и ГУИТК. — Четыре режима. — Кобелю под хвост ваше хорошее поведение! — Цель реформы 1961 года — снова сделать заключённого управляемым. — Поперхнёшься и той посылкой. — Заключённым снится хлеб. — Самодурство лагерных хозяев с посылками, передачами, денежными поступлениями, ларьком. — Норма питания 60-х годов. Голод. — Чародей Режим. — Режим Особый, полосатый. — Как полегчало Практическим Работникам. — «Общественная» (сучья) деятельность в лагерях. — Самобытный Ваня Алексеев. — Политзанятия, радио, школы. — Разделение полов. — Наблюдательные комиссии и опыт Галины Филипповой. — Лагерные «воспитатели» в самотраковке и в отзывах заключённых. — Верьте газетам.

Я иду в инстанции ходатайствовать об Архипелаге. — Как я связан. — Разговор в комиссии Верховного Совета. — Разговор с министром внутренних дел. — В институте Изучения Причин Преступности. — Откровенные ответы.

ГЛАВА 3. ЗАКОН СЕГОДНЯ

Политических и никогда не было, а теперь тем более нет... — Новочеркасский мятеж, 1–2 июня 1962. — Самоубийство офицера. — Расстрел разрывными. — Фазы подавления. — Манёвры Политбюро. —

Кары вослед. — Волнения в Александрове и Муроме. — Массовые беспорядки не считать политикой. — «Диалог» с Церковью автогеном и тракторами. — Процесс над баптистами в Никитовке, 1964. — Их подсчёты о преследованиях. — 25 летние сроки, не отменённые вопреки закону. — Досиживают сталинские крестники. — Когда западные левые всё поймут...

Всё та же расправа, только через бытовые статьи. — Дело Смелова. — Дело М. Потапова. — Туша Закона безошибочна. Не бывает оправданий и не бывает пересмотров. — Картинка рязанского облсуда. — Приём «прицеп» на невиновного. — Гибель Ивана Брыксина. — Указ о тунеядцах. — Уже не обещают, что преступления кончатся. — Наш Закон имеет обратную силу. — Отчёт о суде раньше самого суда (Тарту, 1961). — Лже-свидетели благоденствуют. — Ненаказуемы судьи-убийцы и прокуроры-убийцы. — Шараханья Закона. — Закулисные решения дел. — Прожигающая несправедливость. — **З а к о н а н е т.**

ОТ РЕДАКТОРА

«Архипелаг ГУЛАГ», том первый — увидел свет 28 декабря 1973 года в парижском издательстве YMCA—PRESS. Книгу открывали слова автора (которые во всех последующих изданиях уже не воспроизводились):

«Со стеснением в сердце я годами воздерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед ещё живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность всё равно вызла эту книгу, мне ничего не остаётся, как немедленно опубликовать её.

*А. Солженицын
Сентябрь 1973».*

Через полтора месяца после выхода первого тома А.И. Солженицын был арестован и выслан из СССР. В 1974 году издательство YMCA—PRESS выпустило второй том, в 1975 — третий.

Первое издание «Архипелага ГУЛАГ» на русском языке соответствовало последней на тот момент редакции 1968 года, дополненной существенными уточнениями, сделанными автором в 1969, 1972 и 1973 годах. Текст заканчивался двумя авторскими послесловиями (от февраля 1967 и мая 1968), объяснявшими историю и обстоятельства создания книги. И в предисловии, и в послесловиях автор благодарил свидетелей, вынесших свой опыт из недр Архипелага, а также друзей и помощников, однако не приводил их имён, ввиду очевидной для них опасности: «Полный список тех, без кого б эта книга не написалась, не переделалась, не сохранилась, — ещё время не пришло доверить бумаге. Знают сами они. Кланяюсь им».

С первого издания на русском языке «Архипелаг ГУЛАГ» переведен на европейские и азиатские языки и опубликован на всех континентах, в четырёх десятках стран. Авторские права и гонорары за все мировые издания А.И. Солженицын передал учреждённому им в первый же год изгнания «Русскому Общественному Фонду помощи преследуемым и их семьям». С тех пор за треть столетия Фонд помог многим тысячам людей, населявших советский Архипелаг ГУЛАГ, а после роспуска его продолжает помогать бывшим политзаключённым.

Как «Один день Ивана Денисовича» в начале шестидесятых на родине вызвал поток писем и личных рассказов, многие из которых вошли в ткань «Архипелага», так и сам «Архипелаг» породил много новых свидетельств; вместе с прежде недоступными печатными материалами они побудили автора к некоторым добавлениям и доработке.

Новая редакция увидела свет в 1980 году, в составе Собрания сочинений А.И. Солженицына (Собр. соч.: В 20 т. Вермонт; Париж, YMCA—PRESS.

Т. 5—7). Автор добавил третье послесловие («И ещё через десять лет», 1979) и подробное «Содержание глав». Издание было снабжено двумя небольшими словарями («тюремно-лагерных терминов» и «советских сокращений и выражений»).

Когда публикация «Архипелага ГУЛАГа» на родине стала возможна, она началась репринтным воспроизведением «вермонтского» издания (М.: Сов. пис.; Новый мир, 1989) — и все последующие десять изданий в России в 1990-х годах печатались по тому же тексту.

В настоящем издании публикуется полный перечень свидетелей, давших материал для этой книги. В тексте раскрыты инициалы: заменены полными именами и фамилиями — всюду, где они были известны автору. Добавлено несколько позднейших примечаний. Упорядочены сноски и приведены к единообразию советские сокращения в названиях лагерей.

Издание сопровождается Именным указателем всех упомянутых в «Архипелаге» лиц — как исторических фигур, так и рядовых заключённых. Этот объёмный труд выполнен Н.Г. Левитской и А.А. Шумилиным при участии Н.Н. Сафонова. Дополнительный поиск сведений и редактирование Указателя взял на себя историк, старший научный сотрудник Российской Национальной Библиотеки А.Я. Разумов.

Н. Солженицына